

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА НАПОЛЕОНА ИЗ ФАМИЛЬНОГО АРХИВА

Письма Наполеона из фамильного архива автора настоящей статьи в своем исходном содержании (без купюр) есть все основания считать неизвестными широкой общественности. Это четыре письма 1796 г. любовного содержания молодого генерала Бонапарта, главнокомандующего Итальянской армией Жозефине Богарне (1763-1814).

Известно, что королева Гортензия (1783-1837), дочь Жозефины от брака с Богарне, владелица этих писем, опубликовала некоторые из них еще при жизни в сильно редуцированной форме, приняв решение по крайней мере на столетний период придерживаться молчаливости в публикации полной версии любовных писем Наполеона. Наследники пошли еще дальше: сделав купюры-подчистки в оригиналах, удалив откровенно интимные, по их мнению, подробности, предоставляли за денежное вознаграждение для публикаций отдельные письма. Купюры в любовных наполеоновских письмах подтвердил после 1914 г. Флери, начальник секретариата главы Дома Бонапартов принца Луи Наполеона (с 1914 г.), правнука Жерома, младшего брата Наполеона I, которому (Луи Наполеону) принадлежат теперь пыльные письма Бонапарта¹.

Ветвь Гортензии, после смерти ее сына Наполеона III в 1873 г., пресеклась. Четыре любовных письма (из них одно во фрагментах, возможно, черновых) были приобретены моим прадедом Павлом Алексеевичем Козловым, поэтом, музыкантом, переводчиком и коллегон лекционером, когда он был в 1859-1860 гг. во Франции, вероятно, непосредственно у Жерома, бывшего сначала королем Вестфалии (1807-1814), а позднее графом Монфортом (с 1816 до своей смерти в 1860 г.). Либо П.А. Козлов мог купить эти письма у его сына принца Наполеона Жозефа (1822-1891) в своих последующих поездках в Париж, после 1871 г. Умер мой прадед также в 1891 г.

Таковы доводы в пользу того, что приводимые ниже любовные письма Бонапарта - Жозефине не купированы и отличаются от публикуемых иногда автографических писем-реликвий, удовлетворяя потребности наполеоновской библиотеки*.

Действительно, Наполеон превратился в литературного героя, эволюционировав от романтического образа к реалистическому, меняя при этом образное измерение от легенды к мифу. У Достоевского Наполеон - «настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона на людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, а стало быть, и все разрешается». У Толстого события, светские разговоры, мысли героев (перекочевавшие в головы будущих декабристов) развиваются под знаком явного и неявного присутствия Наполеона. Не остались индифферентными и композиторы. Бетховен вычеркивает посвящение Наполеону из Третьей симфонии, зато Берлиоз пишет в 1835 г. «Кантату о 5-м мая». Арнольд Шенберг (1874-1951) в 1942 г. создает «Оду Наполеону», где уподобляет императора Гитлеру, к сожалению, не завершив ее финалом 1945 г. Роберт Шуман написал «Гренадеров» по стихотворению Гейне. П.И. Чайковский озвучил всколыхнувший русское общество «1812 год». Прокофьев в опере «Война и мир» продолжает шлифовать эпическую толстовскую грань этих событий...

* Библиомания - страсть к редким книгам, в данном случае к изданиям с наполеоновской тематикой. Хотя поражение при Седане знаменует закат мечты о династии «наполеонидов», Франция через полтора десятка лет снова ждет своего «спасителя» с сильной властью, чтобы взять реванш за поражение. И к Наполеону возвращается былая слава: никогда еще издатели не выпускали такого количества книг и гравюр, посвященных «спасителю», как в 1885-1914 гг.

В XX в. кинематограф (и ТВ) дали больше фильмов о Наполеоне и его времени, чем о Жанне д'Арк, Линкольне и Ленине, «вместе взятых»². Неважно, был ли он объектом восхищения или нападок. Ни один род искусства не устоял перед субъектом, который, по словам О. де Бальзака «мог все, потому что хотел всего». Он стал универсальным мифом: разрушителем феодализма - по Марксу, закомплексованным младшим ребенком в семье - по Фрейдю, и оживляющим другие мифы, в том числе о наполеоновских женщинах³ (о фривольной Жозефине, коварной Марии Луизе, трогательной Марии Валевской); о Талейране - князе дипломатов, о Фуше - основателе современной полиции, об отставных военных и других, обреченных на скуку или плетение заговоров. Можно вспомнить «старого знакомого»

Р. Вильсона, сначала недоброжелателя Кутузова, при штабе которого по распоряжению Александра I он находился как агент английского влияния. Потом, уже в Париже в 1815 г., Вильсон превратился в заговорщика, пытавшегося освободить арестованного после «100 дней» маршала Нея, враждебного правительству Людовика XVIII, привезенного во Францию именно англичанами. К этой теме относится сын Наполеона, сбежавший чухоткой *Орленок*, образ которого в литературной романистике метаморфизировался в «Даму с камелиями». И наконец, мысли о Революции, высказанные Наполеоном или ему приписанные, но работающие на наполеоновскую легенду в книге «Мемориал Святой Елены», опубликованной в 1823 г. Лас Казом, растянувшим якобы революционные события от взятия Бастилии до победы под Аустерлицем.

Конечно, пребывание Наполеона на о-ве Святой Елены в основном вызвало сочувствие к страдальцу-мученику императору, хотя это был жалкий отшельнический финал эгоистических претензий претендента на мировое господство.

Наполеоновскую легенду стали творить газеты, начиная с Первой итальянской кампании 1796 г., что сделало для него (ни для кого дру гого) возможным оставление в Египте своей армии.

В последние годы правления Директории снижение жизненного уровня, затронувшее все слои населения, сводит на нет усилия по стабилизации экономики. Безудержная эмиссия привела к тому, что в 1796 г. затраты на печатание ассигнаций превысили стоимость самих бумажных денег...

* Еще она помогла Бонапарту решить экипировочные заботы (в том числе, получить форменные штаны), которые преодолеть ему казалось невозможным делом: он в резерве, сукно же выдается лишь тем офицерам, кто в строю, и т.д. Не простил ей будущий император не только эти «штаны», обзаведение которыми с ее помощью она оповестила многолюдную гостиную, но и то, что Мать Термидорианская расхохоталась ему в лицо, когда он сделал ей предложение: развестись с толстосумом мужем и выйти за муж за голодранца Наполеона.

В этом же, 1796 г., кроме получения Наполеоном главного командования над Итальянской армией, произошли события, на первый взгляд, личного характера, которые с полным правом можно назвать знаковыми в жизни Бонапарта. Это - встреча с креолкой Розой Жозефиной (второе имя у нее закрепилось уже при Наполеоне) в салоне Терезии Тальен, которая, скажет он потом на Святой Елене, «была тогда умопомрачительно хороша»*. Муж Терезии был, наряду с Баррасом, одним из заправил переворота 9-го термидора, сбросившего режим Робеспьера 27 июля 1794 г. Баррас был когда-то младшим лейтенантом колониальных войск при Луи XVI. Теперь же, в 1795 г., Конвент, накануне 5 октября (13 вандемьера) ожидая атаки роялистов, назначает его командующим войсками Парижа. Баррас не был дураком, он прекрасно знал, что никакой он не генерал, и искал себе в помощники настоящего генерала, предпочтительно артиллериста, каковым в его сознании озарился щуплый человек в маленькой треуголке, которого Баррас видел в деле при осаде Тулона в 1793 г. Молодой капитан артиллерии по имени *Наполеоне Буонапарте*, ознакомившись с диспозицией, неожиданно заявил, что для овладения Тулоном его надо атаковать со стороны гавани, т.е. с моря. Сломив глупое упрямство командующего с помощью комиссара Конвента Гаспарена, про которого потом Наполеон написал: «Гаспарен (Gasparin) открыл мне дорогу», - Бонапарт развязал себе руки. Будучи от природы изобретателем, и с ключающим на деле умозрительную науку, Наполеон тесно связывал два понятия: *изобрести и исполнить*.

Для Наполеона было очевидным, что имеющихся у него в наличии артиллерийских стволов совершенно недостаточно для подавления артиллерийского огня фортов Тулона: надо было создавать осадную артиллерию, которой до него не существовало. Благодаря его изобретательскому гению и разумной инициативе осадная артиллерия уже к 14 ноября состояла из 53 орудий и крупных мортир, из которых 30 были установлены на батареях.

Военному министру Бушотту, которому Наполеон уже отправлял свой план взятия Тулона, он пишет: «Я послал в Лион, в Бриансон и в Гренобль интеллигентного офицера, которого выписал из итальянской армии, чтобы раздобыть из этих городов все, что может принести нам какую-либо пользу. Я испросил у итальянской армии разрешения прислать орудия, ненужные для защиты Антиба и Монако. Я достал в Марселе сотню лошадей...»⁴.

Артподготовка длилась пять дней, после чего начался штурм. 17 декабря форт Мюльграв пал, и на следующий день англичане эвакуировались из Тулона. 22 декабря комиссары Конвента назначают Бонапарта бригадным генералом. 6 февраля 1794 г. Конвент утвердил это звание.

Таким образом, Поль Жан Баррас (1755-1829) в своем прагматичном сознании вызвал из недавних глубин памяти действующего генерала. Хотя выглядел он, на фоне разгула термидорианской публики, жирующей на глазах одуроченной бедноты, весьма жалким, с плохо напудренными свисающими волосами, «как собачьи уши» обрамляющими впалые, отливающие желтизной щеки. Таким увидела его маленькая Лора, будущая герцогиня д'Абрантес (супруга генерала А. Жюно, губернатора Парижа при императоре Наполеоне I, сержантша под Тулоном и секретарша «по случаю», писавшего под артиллерийским обстрелом некую реляцию, диктуемую начальником артиллерии Бонапартом. Последний обратил на сержантшу-писарю внимание, когда после очередного удара в бруствер пушечного ядра бумагу засыпало землей, он сказал: «Ладно, мне не понадобится песок». В мемуарах герцогини д'Абрантес, изданных в 1831-1834 гг., т.е. после ее смерти в 1831 г., читаем про Бонапарта периода 1795 г., «как он неловко и неуверенно шел к дому, надвинув на самые глаза старую порывевшую шляпу, постоянно без перчаток, потому что это казалось ему излишней роскошью, в старых, плохо вычищенных сапогах...»⁵. Она находилась в соседней комнате и слышала, как явившийся накануне вандемьера Бонапарт, вознамерившийся жениться, сделал предложение ее матери, г-же Пермон-Комнин, которая на Корсике была подружкой ее матери. После краткого шока г-жа Пермон расхохоталась, но затем доброжелательно прекратила этот разговор.

Матримониальные проблемы в этот период (конец 1794-1795 г.) одолевали Бонапарта. Его бездельность - он был отставлен от армии за отказ войти в подчинение Гошу в войсковом подавлении мятежа в Вандее, проживал в маленькой комнатке за три франка в неделю при несении малооплачиваемых мелких и неопределенных обязанностей в топографическом бюро, - привела нравственное состояние в положение полного ничтожества. Бонапарт был беден, а его корсиканское сердце тосковало по домашнему очагу, по семье, обязательно с большим количеством детей. Бесплодная женщина не имела никакой цены в его глазах. А тут его старшему брату Жозефу посчастливилось жениться (24 сентября 1794 г.) на богатой девице Жюли Клари из Марселя, куда с Корсики спешно, избегнув репрессий, перебралось семейство Бонапартов во главе с матушкой Летицией Рамолино, вдовой Карла Бонапарта. И Наполеон «положил глаз» на младшенькую сестру жены Ж.-Д. Клари Дезире-Бернардину-Евгению. Молоденькая девушка восхитилась молодым генералом, его храбростью под Тулоном, его гениальностью, прозорливо ею провозглашаемой. Это было удивительно в

молоденьком существе с его полудетским умственным кругозором. Но мы знаем, что именно ее головку украсит в будущем настоящая, а не волонтеристским способом надетая королевская корона: они с мужем будут родоначальниками шведской династии Бернадотов, продолжающейся по сей день. Вероятно, она любила

Наполеона настоящей и единственной любовью. Долгое время она оставалась в Париже имперского периода, где Наполеон, сделав ее мужа (за действительные заслуги) маршалом, купил им за 400 тыс. франков «отель Моро» выехавшего в Америку опального полковника Моро, единственного военного, стратегический гений которого вызвал ревность у Наполеона. Ну, а королевский дворец на севере Европы многие годы ждал свою хозяйку - королеву удивительно очаровательную и неповторимо загадочной индивидуальности.

Наполеон, похуже, окунувшись в мир парижских красавиц, переменял свои намерения относительно брака с Дезире. Хотя он знал, что с нею ему обеспечено счастливое существование: она, всегда любящая и готовая на самопожертвование, сумеет скрасить ему всю его жизнь, приданое же ее тоже было основательным. Загадка человеческого сердца? Здесь, на первый взгляд, контрповодом можно считать «прекраснейших в мире» женщин, которых он встречал у Барраса, у Увара, у мадам Тальен и у Пермона, и весь этот блеск и роскошь туалетов, сквозь которые просвечивало просвечивающее тело, розовые губы, сладкие, вкрадчивые слова парижанок помутили рассудок маленького, худого, плохо одетого генерала. И ради всего этого, могло быть, он забыл маленькую провинциалку с прекрасными, невинными карими глазами. Он сделал предложение г-же Тальен, одной из самых красивых и роскошных женщин, г-же Пермон и даже г-же Монтансье, бывшей актрисе, 1730 (!) г. рождения, располагающей 1 200 000 ливров, которую накануне 13 вандемьера предложил ему Баррас, привносящий такие слова Бонапарта в «Мемуарах»: «Если бы речь шла лишь обо мне, я сумел бы терпеливо ждать. Мужчине много не нужно. Но у меня есть семья, прозябающая в крайней нужде. Я знаю, мы справимся с неудачами. В дни революции хлеб должен найтись для всех, а ведь аристократы уже достаточно давно присвоили себе все житейские блага. Должен наступить и наш черед. Покамест же будем терпеть». Бонапарт предложил г-же Монтансье съездить с ним на Корсику, где великолепный климат, и, имея солидный капитал, можно за несколько лет удвоить его и т.д.

Когда все эти матримониальные планы Бонапарта дошли до Розы Жозефины, которая познакомилась с Бонапартом у Терезии Тальен и которую, после отказа Терезии сойтись с Бонапартом, последний стал пожимать глазами, не переходя, однако, к каким-либо действиям. Перед ней маячила перспектива того, что этот, несомненно, брачный претендент, может ускользнуть, она написала свою знаменитую записку.

«Вы больше не появляетесь у друга, который вас любит, вы его совсем забросили, и вы не правы, потому что он нежно к вам привязан. Приезжайте завтра, в СЕПТИДИ (седьмой день декады по республиканскому календарю. — В.К.) позавтракать со мной. Мне необходимо видеть вас и потолковать с вами о ваших интересах. До свидания, мой друг, обнимаю вас. Вдова Богарне».

Свидание действительно произошло в септиди в доме на улице Шанторен, который оплачивал Баррас, пока Жозефина, обладая коммодерской хваткой и связью с армейскими поставщиками, не стала зарабатывать приличные комиссионные дивиденды, которых ей не хватало в течение всей ее жизни. Как предполагают одни историки, главную роль в осуществлении этого свидания сыграл заговор двух подруг - Терезии и Жозефины, другие считают, что Жозефину с Бонапартом свел Баррас, которому Жозефина-любовница поднадела и который хотел «рулить» событиями. Я думаю, что в той или иной мере эти факторы имели влияние, но главным было то креольское провиденческое прозрение Жозефины, благодаря которому она могла предвидеть грядущие события: величие своего брачного претендента-избранника (здесь не имеется в виду любовь) и, например, катастрофу Московского похода. Старые ветераны-ворчуны Императорской гвардии считали Жозефину талисманом, приносящим удачу.

Еще до этого свидания среди многих изящных, одетых в греческие туалеты дам молодой генерал отметил грациозную креолку с темными кудрями красноватого отлива волосами и с мечтательными синими глазами в тени длинных, густых ресниц. Хотя она и была не так молода и красива, как Терезия Тальен или мадам Рекамье. Малоизвестная и, как потом выяснилось, с неким интеллектуально-физиологическим комплексом, противопоставленным Наполеону⁶, будучи уже не первой молодости, она умела очень искусно скрывать следы опасного для уроженки юга 33-летнего возраста.

Не будучи образованной, очень далекой от интеллектуального уровня той же Рекамье или де Сталь, Жозефина своим изяществом, всем своим обворожительным существом, своим мягким мелодичным голосом и кротким взглядом своих прекрасных глаз умела говорить собеседнику, в данном случае Бонапарту, то, что он хотел услышать - много лестных вещей по поводу его военных талантов (из того, что было «на слуху»: его операция под Тулоном), совсем без профессиональных наработок, выделив нужные и приятные для собеседника особенности, схваченные из светских разговоров. Аромат ее волос, завитых на этрусский манер, матовая белизна ее голых плеч и рук, украшенных золотыми обручами, до того одурманивали его, что Жозефина казалась Бонапарту совершенством. Ну, а изящные, скрытые за этим внешним блеском, то они, хоть и доводились до слуха Наполеона со стороны недругов Жозефины из клана Бонапартов, в его сознание не встраивались. Брат-республиканец Люсьен, например, писал: «Она давным-давно пережила пору расцвета». Это была женщина с «желтыми, гнилыми, дурно пахнущими зубами», по мнению другого современника, «с малопривлекательной грудью...»⁷.

Произошло «это» или в то свидание, или в одно из следующих. Мне кажется, что Жозефина, деловая женщина, приученная в своих взаимоотношениях с армейскими поставщиками «брать быка за рога», применила свое безотказное сексуальное оружие именно в первое свидание: времени водить долгую игру у партнеров не оставалось.

Приведем письмо Бонапарта, в котором он сообщает свои впечатления об «этом» событии самой Жозефине.

*«Я просыпаюсь с мыслью о тебе. Твой пленительный образ и воспоминания о вчерашнем вечере не покидают меня. Милая, несравненная Жозефина, что вы со мной делаете? Вы сердитесь? Вы грустны? Взволнованы? Моя душа истомилась от горя, ваш друг не ведает покоя. Но еще мучительнее, когда, вверяясь охватившему меня чувству, я пью с ваших губ, из вашего сердца обжигающий меня пламень. Ах! Лишь этой ночью я окончательно понял, что вы и ваш облик — не одно и то же. Ты выезжаешь в полдень. Через три часа я увижу тебя. Но прежде, *tió dolce amor*, прими от меня миллион поцелуев, но не отвечай на них, ибо они воспаляют мою кровь»⁸.*

Жан Тюлар в вышеуказанной своей книге в этой связи выразился так: «Удручающая пошлость этого и последующих писем - свидетельство неподдельной страсти. Не стал ли брак между Наполеоном Бонапартом и Жозефиной Богарне, заключенный 9 марта 1796 года, убедительным тому доказательством? Несомненно, что благодаря это му браку генерал рассчитывал установить более тесные связи с правящей тогда во Франции группировкой, одной из тайных гурий которой стала Жозефина. Однако вряд ли Баррас навязал ему эту брачную це ремонию в обмен на должность командующего Итальянской армией. Чувство впервые сыграло в жизни этого прагматика заслуживающую внимание роль»⁹. Подобного эмоционального всплеска 1796-1797 гг. у Наполеона больше не случалось: его правое полушарие, отвечающее за эмоциональный способ мышления, оказалось заблокированным и никогда больше не возобновляло свою деятельность. Это произошло, вероятно, после разочарования в любви с Жозефиной в период египетской экспедиции 1798 г., до прибытия в Париж в октябре 1799 г.

В научной литературе о Наполеоне я встречал констатацию: «*Напо леон был одним из образованнейших людей своего времени*». Попробуем разобраться с этим тезисом. Вот как описывает его старший брат об разовательный багаж Бонапарта (не превосходящий образовательный уровень среднестатистического образованного человека) в период по сещения им родного очага на Корсике, после семилетнего отсутствия, со дня прибытия 15 сентября 1786 г.: «В то время он был страстным по клонником Руссо и витал, как мы все выражались, в идеальном мире. Ему нравились шедевры Корнеля, Расина и Вольтера, которые мы по стоянно читали вслух. У него были произведения Плутарха, Платона, Корнеля, Непота, Тита Ливия и Тацита во французских переводах. Кроме того, книги Монтеня, Монтескье и Рейналя. Все они находились в сундуке, который был гораздо больше того, где лежало его платье. Я не отрицаю, что у него были и стихи Оссиана, но категорически от вергаю сообщение, будто он предпочитал их Гомеру»¹⁰.

Как публицист, он мог бы развиться в классного публикатора узловых моментов на «злобу дня», что является в наши дни достижением знаменитых журналистов-политологов. В другом разделе, где будут рассматриваться штрихи к психосоциологическому портрету Наполеона, мы подробнее остановимся на его первых публицистических работах 1791-1793 гг. «В одном источнике, найденном всего несколько лет назад... говорится про юного Наполеона, что он по приезде в Бриенн (военное училище в Шампани. - В.К.) почти совсем не умел говорить по-французски. Так как он не выказывал никаких способностей к латинскому языку (а также к немецкому, английскому и, вероятно, вообще к иным языкам. - В.К.), то начальство освободило его от этого предмета, и он начал усиленно заниматься французским. Вообще, он не считался способным учеником. По литературе и по языкам он отставал от других и только в абстрактных науках выказывал большие способности.

Его инстинкт и его любовь к военным делам влекли его бессознательно к тем наукам, которые были полезнее для его исключительной карьеры, чем вся латынь, вместе взятая. Стратегия, тактика, математика и особенно древняя и новая история были любимыми предметами Наполеона... Больше всего любил он Плутарха; охотно читал Полибия и Арриана, но Квинт Курций не был в числе его любимцев.»¹¹

У Ганса Дельбрюка в его семитомнике говорится, что «Наполеон нередко указывал, что солдат должен изучать деяния великих полководцев, дабы у них учиться, - при этом он называет Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюррена, Евгения, Фридриха, - но сам он, кроме Цезаря, в сущности, знаком был лишь с совершенно невоенными биографиями Плутарха и охотнее читал политические и морально-философские сочинения. Все первое время после учения лица молодой офицер уклонялся от участия в войне, а носился с несколькими авантюристическими планами корсиканской политики. Лишь после крушения их он отправился в армию. Уже его первый план большой кампании, составленный в 1796 г., после того как он был назначен командующим армией в Италии, был построен под политическим углом зрения - на отторжении Сардинии от Австрии, а завершил он в конце концов борьбу с Австрией в 1797 г. политически тем, что, подступив уже к самой Вене, не только заставил побежденных уступить известные области (Бельгию и Милан), но и посулил им крупное приобретение (Венецию)...»¹².

«Наполеон с раннего детства приучался делать выдержки из прочитанного, - обращает наше внимание Ф. Кирхейзен, - и когда он по ступил (был переведен. - В.К.) в военное парижское училище, у него уже была довольно объемистая груда таких рукописных заметок.»¹³

Хотелось предупредить читателя, который будет далее читать письма Наполеона, что литературная сторона этих посланий весьма убога. Имеет значение лишь прорывающаяся искренность автора.

Часто используемый публицистами от истории образ Наполеона как энциклопедически образованного индивидуума, наличие в наполеоновских рукописных заметках наброска плана романа «Клиссон и Евгения» и его фрагментов не должны вводить в заблуждение. Очевидно, что Клиссон - сам автор, Бонапарт, а Евгения - Евгения-Дезире Кларе. Роман был задуман примерно за год до его взаимоотношений с Жозефиной, в период конца 1794-1795 г., и, возможно,

исполнялся бы по типу рядовых руссоистских романов или повестей, но с военными событиями и персонажами. Роман, скорее всего, не был бы со бытием в литературной романистике, если и был бы написан.

Переходя непосредственно к неизвестным любовным письмам Наполеона из Итальянской армии похода 1796-1797 гг., в которых чувственная страсть Бонапарта, подобно вулканической лаве, прорывалась сквозь магматическую корочку условностей, нельзя не отметить, что она вызывает у читателя несомненное сочувствие, не смотря на стилистические огрехи. К сожалению, до нас не дошли письма Жозефины, которых было написано намного меньше Наполеоновых. Хотя из содержания последних следует, что стиль Жозефины был формальной отпиской. Правда, одно письмо этой прирожденной актрисы якобы было написано кровью. Следует иметь в виду, что около 25 апреля 1796 г. Жозефина влюбила в гусарского лейтенанта, помощника генерала Леклерка по интендантской службе Ипполита Шарля, который был на девять лет моложе ее. «У него такая красивая голова!» - говорила всем Жозефина. Он умел выпячивать торс под красным доломаном с восемью надцатью шнурами, венгерскими лосинами с серебряной строчкой и ментиком на лисьем меху. Она не могла оторвать глаз от его круглого подбородка с ямочкой, красивой черной развевающейся шевелюрой, не говоря уж о голубых глазах и так мило вздернутом носе. И еще «он одевается с таким вкусом! Думаю, что никто до него не умел так завязывать галстук». При этом я вспоминаю увлечение Наталии Пушкиной-Гончаровой Дантесом Геккерном, тоже с развевающейся, но белокурой шевелюрой.

Историки и душеведы развенчивают образ Ипполита, изображая «его таким фатом, чем-то средним между марсельским парикмахером и тулузским коммивояжером»¹⁴, сравнивают его с героем Италии Бонапартом. Однако какое этим любовникам дело до итальянских девиц, названия которых засияют потом на скрижалях Истории, когда от вожделения у них пресекается дыхание, мутится разум. Ее томное чувственное тело, все в ямочках (что отмечали, забыл кто, - Бонапарт или Баррас), гибкое, как пальма Антильских островов, дышало любовью. И любовники вновь и вновь сплетались в объятиях, прерываясь лишь по случаю прибытия курьеров из Итальянской армии, доставляющих ющих гражданке Бонапарт на улицу Шантерен деньги и пламенные письма мужа, читаемые запыхавшимися любовниками вслух в перерывах, между неотложными их занятиями. Ибо написать очередную отписку мужу в Италию - дело хлопотное и менее важное, могло и по дождаться. Однажды в таком сексуальном угаре подобная отписка писала с постоянными перерывами пять дней, на что обратил внимание генерал, читая эту отписку в своих перерывах - между боями.

В дальнейшем, при знакомстве с содержанием наполеоновских писем нашего фамильного архива из Итальянской армии, фоном будут служить сама Итальянская кампания 1796-1797 гг., а также Итальянский поход Бонапарта 1800 г. В основе фрагментов описания Итальянских походов будут «Мемуары» самого Наполеона, правленные им после первой публикации сочинения «Сорок четыре замечания на труд под названием *"Рукопись, поступившая с острова св. Елены не известным путем"*, напечатанный в Лондоне в издательстве Джона Мэррея, в 1817 г.».

Мы знаем, что, получив главное командование Итальянской армией, оборванной и голодной (Директория давно им не платила), Наполеон воздействовал на своих полуголодных и полуобутых солдат прямым, реальным, грубоматериальным указанием на *вещественные блага, ожидающие их в Италии*. Наверное, не было в действительности ничего подобного, но обращение к войсковой массе, что живописуют наполеоновские апологеты. Сентиментальные рассказы о «любви» Наполеона к солдатам, которых он в припадке эмоционального порыва называл пушечным мясом, ничего не могут значить ни в каком доброжелательном смысле. Скорее всего, в подразделении читали некое обращение главнокомандующего, поднаторевшего в доходчивой публицистике, к солдатским массам с усредненным мироощущением, когда доходчивый потребительско-поглотительный замысел внедряется в естество человека раньше, чем осмысливается его сознанием, и, возможно, не достигает уровней духовности. Такие доступные даже для спинного мозга категории, как *грабь накопленное добро* или *грабь наработанное!* - подобные древним лозунгам крестоносного воинства: *Освободим Гроб Господень от неверных!* - направленные на христианнейший Константинополь, накопивший несметные богатства, - вот те низменные импульсы, которые приводят в действие возбудившие простые души интеллект прагматика.

9 апреля 1796 г. Бонапарт двинул свои войска через Альпы...

У меня сохранились некоторые записи лекций Евгения Викторовича Тарле за I и II семестры 1953-1954 гг., прослушанные мной в Ленинградском университете. Профессору шел 80-й год. Медленно, по-стариковски продвигался он к кафедре, одетый в строгий темно-синий костюм, в белой рубашке с темно-синим галстуком и начищенных ботинках. Со-говожающие шли рядом. Со стародавних времен было известно, что он блестящий лектор. Со всего Ленинграда сбегалась интеллигенция его послушать. В те времена стала выходить подписка на собрание его сочинений. Простояв ночь, я подписался на «Тарле». Книжки его из серии ЖЗЛ «Наполеон» и «Талейран», соответственно 1936 и 1939 гг., я уже имел. Конечно, слушать Тарле надо было уметь. Я уже был подготовлен к тому, чтобы слышать лекции в подобном стиле; общую неорганическую химию читал нам Сергей Александрович Щукарев, также бесшумно, но плавно, дребезжащим голосом, постоянно отклоняясь от темы в «лирические отступления». Евгений Викторович любил «исторические анекдоты», особенно про Наполеона, Жозефину и Талейрана. Сергей Александрович любил рассказывать про Менделеева. Именно от него я услышал изречение Дмитрия Ивановича о том, что использовать нефть в двигателях внутреннего сгорания - все равно, что топить печку ассигнациями. Тарле, подпись-автограф которого на учебном матрикуле со храняется в моем собрании, если кто-либо произнесет в его присутствии его фамилию с французским ударением на

последнем слоге, неизменно поправлял: я не француз, а еврей, и моя фамилия звучит Тарле¹⁵.

В записях лекций Евгения Викторовича Тарле я обнаружил следующее: «Знаменитый автор многотомной истории наполеоновских походов, ученый стратег и тактик, генерал Жомини, швейцарец, бывший сначала на службе у Наполеона, а потом перешедший в Россию, отмечает, что буквально с первых дней этого первого своего командования Бонапарт обнаружил доходящую до дерзости смелость и презрение к личным опасностям: он со своим штабом прошел по самой опасной (по краткой) дороге, по знаменитому "Карнизу" приморской горной гряды Альпийских гор, где во время перехода они находились под пушками курсировавших у самого берега английских судов. Тут впервые сказались одна черта Бонапарта. С одной стороны, в нем никогда не было той рисовки молодечеством, лихой отвагой, бесстрашием, какая была присуща, например, его современникам - маршалу Ланну, Мюрату, Нею, генералу Милорадовичу, а из позднейших военачальников - Скобелеву; Наполеон считал, что без определенной, безусловной необходимости военачальник не должен во время войны подвергаться личной опасности по той простой причине, что его гибель сама по себе может повлечь за собой смятение, панику и проигрыш сражения или даже всей войны. Но, с другой стороны, он полагал, что если обстоятельства сложатся так, что личный пример решительно необходим, то военачальник должен не колеблясь, идти под огонь.»

Первое сражение с австрийским командующим Аржанто произошло в центре, у Монтенотте. Бонапарт... ввел в заблуждение австрийского главнокомандующего Боле, который находился южнее - на пути к Генуе, и стремительно напал на австрийский центр. В несколько часов дело кончилось разгромом австрийцев. Следующая битва (при Миллезимо) произошла через два дня после первой, и пьемонтские войска потерпели полное поражение.

Военные историки считают первые битвы Бонапарта - «шесть побед в шесть дней» - одним сплошным большим сражением. Основным принципом Наполеона выявился вполне в эти дни: быстро собирать в один кулак большие силы, переходить от одной стратегической задачи к другой, не затевая слишком сложных маневров, разбивая силы противника по частям.

Проявилась и другая его черта - «умение сливать политику и стратегию в одно неразрывное целое.» (это мы постоянно имеем в виду, обсуждая наполеоновские деяния. - В.К.).

Подспорьем мне служили редкие книги моего собрания, которые мы перечислим. Это оригинальные издания сочинения барона Анри Жомини (1779-1869) «Краткое начертание Военного искусства или Новый Аналитический Обзор Главных Соображений стратегии, высшей тактики и военной политики»¹⁶ и этого же автора «Дополнение к Аналитическому Обзору Главных Соображений Военного Искусства»¹⁷.

Особенно мне были полезны книги собрания сочинений Карла фон Клаузевица (1780-1831), с которым часто пытался полемизировать Анри Жомини и который умер, не успев ознакомиться с трудами последнего. В противовес Жомини, считавшего стиль изложения Клаузевица витиеватым, мне позитивны определенность, четкость, (по-немецки педантичная) в использовании материалов австрийских архивов в сочинении Клаузевица, прежде всего в книге «Итальянский поход Наполеона 1796 года»¹⁸. Некие мои недоразумения, вызываемые описанием узловых событий Итальянской кампании, представляемых Клаузевицем и связанных с пребыванием Бонапарта в Кераско, на что прямо указывает приводимое мною неизвестное ранее письмо Бонапарта из Кераско 2 мая 1796 г., я потом устранил, читая вышеупомянутый семитомник Г. Дельбрюка. В четвертом томе этого сочинения в сноске (2) указано, что подробности этой кампании даны в диссертации 1901 г. Э. Экштоффа, в которой автор опровергает совершенно неправильное описание этих событий (тенденциозное мнение. - В.К.) у Жомини и у графа Йорка (Graf Jork. Napoleon als Feldherr - поучительная и весьма распространенная в XIX и в начале XX в. книга, примыкающая больше к воззрениям Жомини, чем Клаузевица)¹⁹. Экштофф также вносит исправление недоработок и ошибок, допущенных Клаузевицем.

Вероятно, Клаузевиц не имел подробных материалов французского передвижения, по крайней мере перемещения Бонапарта, с 20 апреля 1796 г. Ибо, согласно «Мемуарам», к 22-му полки Серюрье перешли через мост в Торре, Массена - в Сан-Микеле и главнокомандующий Бонапарт - в Лезенью. Эти три колонны направлялись на Мондови, где пьемонтский генерал Колли возвел уже несколько редутов. Сражение у Мондови было французами выиграно: город со всеми складами попал в руки победителя. В этом сражении пьемонтцы потеряли 3 тыс. человек, восемь пушек, десять знамен, 1,5 тыс. пленных, включая трех генералов. После сражения у Мондови Бонапарт двинулся в Кераско* (который Клаузевиц никак не выделяет), в котором договорились о перемирии.

26 апреля получен ответ генерала Колли, что сардинский король соглашается на передачу крепостей Кони и Тортоны французской армии, а 28-го было подписано само перемирие. Три недели спустя, 15 мая, в Париже был заключен мир между Францией и Сардинией: сардинская армия, насчитывающая приблизительно 40 тыс. человек, удалась с театра военных действий.

«Кераско, 10 флореаля (2 мая) (1796)

Мюрат, который передаст тебе это письмо, расскажет тебе, моя обожаемая подруга, обо всем, что я сделал, делаю и чего желаю. Я заключил перемирие с королем Сардинии. 3 дня тому назад я послал Жюно вместе с моим братом и 22 знаменами, но они придут позже Мюрата, который следует через Турин.

* Кераско, где было подписано перемирие с сардинской стороны, лежит в 10 лье от Турина, в 15 - от Александрии, в 18 - от Тортоны, в 25 - от Генуи и в 20 - от Савоны.

Я написал тебе через Жюно, чтобы ты ехала вместе с ним ко мне. Сегодня я прошу тебя выехать вместе с Мюратом и проехать через

Турин. Ты сэкономишь 15 дней, так что я смогу увидеть тебя здесь до пятнадцатого. Приезжай. Эта мысль наполняет меня радостью. Тебе приготовлены квартиры в Мондови и в Тортоне. Ты сможешь из Мондови поехать по большому тракту в Ниццу и Геную и оттуда по всей остальной Италии, если тебе это доставит удовольствие. Мое счастье состоит в том, чтобы ты была счастлива, моя радость в том, чтобы радовалась ты, мое удовольствие в том, чтобы доставлять его тебе. Никогда еще женщину не любили с такой преданностью, пылкостью и нежностью. Невозможно владеть чужим сердцем и диктовать ему вкусы, наклонности и пробуждать в нем желания, если оно отлично от твоего. Я оплакиваю собственное ослепление. Я оставляю тебя угрызениям твоей души, и если я не умру от давящей боли, то никогда в жизни мое сердце не будет более открыто чувствам удовольствия и жестокой и холодной боли. Моя жизнь станет полностью физической, ибо, утратив твою любовь, твое сердце, очаровательную тебя, я утрачу все, что делает жизнь приятной и дорогой. Ах! Тогда я не сожалел бы о смерти и, возможно, смог бы принять ее на поле чести. - Как же ты хочешь, жизнь моя, чтобы я не грустил: от тебя нет писем. Я получаю их лишь раз в 4 дня, вместе с тем если бы ты меня любила, ты писала бы дважды в день. Но надо же болтать со всякими господинчиками, с 10 часов утра делать визиты, а потом вплоть до часу пополуночи выслушивать всякий вздор и глупости от сотни пуштоговых ветрогонов. В странах, где царит благонравие, с 10 часов вечера все уже у себя, но и в этой стране мужу обычно пишут, о нем думают, для него живут. Прощай, Жозефина. Ты совершаешь со мной чудо, которое я не могу объяснить. Я люблю тебя с каждым днем все больше. Разлука излечивает маленькие страсти, но усиливает боль шие. Целую тебя в ротик, в сердце — кроме меня ведь нет никого, не правда ли? — и потом в грудь. Как счастлив Мюрат, что он пожмет твою руку... Ах, если ты не приедешь!

Возьми с собой горничную, свою кухарку, своего кучера. У меня здесь к твоим услугам 4 упряжные лошади и прекрасная коляска. Не бери ничего, кроме того, что тебе понадобится лично. У меня здесь есть столовое серебро и фарфор, которые будут служить тебе.

Прощай, работа призывает меня. Я не могу бросить перо. Ах! Если сегодня вечером я не получу твоих писем, я буду в отчаянии. Думай обо мне либо скажи мне с презрением, что больше не любишь меня, и тогда, возможно, я обрету в своей гордости то, что сделает меня менее достойным жалости.

Я писал тебе через брата, что у него есть для меня 200 ливров, которыми ты можешь располагать. Я посылаю тебе с Мюратом 200 ливров, которые ты можешь тратить, если они тебе нужны, либо же ты воспользуешься ими, чтобы обставить квартиру, которую ты предназначаешь для меня. Если бы ты могла повесить там повсюду свои портреты! Но нет! Тот, что я ношу в своем сердце, столь хорош, что как бы красива ты ни была и как бы искусны ни были художники, на их портретах ты все равно будешь проигрывать.

Пиши мне... Приезжай скорей. Сколь счастлив будет тот день, когда ты переедешь через Альпы. Это будет самое прекрасное вознаграждение за мои труды и за одержанные мною победы».

Полковник Мюрат, первый адъютант Бонапарта, примчался в Париж и привез от него письмо из Кераско от 2 мая 1796 г., - первое из неизвестных общественности писем нашего архива. Через десять дней после приезда Мюрата появляются Жозеф Бонапарт и Жюно. Оба привозят послания генерала - генеральше, в которых озвучиваются соответственно: «Если ты будешь медлить (с приездом. - В.К.) и дальше, ты найдешь меня больным...» и «Ты должна с ним (т.е. с Жюно. - В.К.) приехать... Пусть у тебя вырастут крылья, и при езджай, приезжай! Целую в грудь и чуть ниже, нет, много ниже!».

Жозефина смеется: «До чего же Бонапарт за-а-бавный!». Покинуть Париж, где ей - жене героя воздают почести и воскуряют фи мрам. Это несерьезно. Директория устроила банкет, где три красавицы: она - Жозефина Бонапарт, Терезия Гальен и Жюльетта Рекамье «в туалетах, великолепно обрисовывающих их достоинства, с головой, увитой самыми роскошными цветами, в один из наилучших майских дней входят в салон, где Директория пожелала принять знамена», за хваченные французской армией, возглавляемой мужем Жозефины. Нужно ли оставлять праздновавший мужнины победы Париж и покинуть милого Ипполита? Это - не обсуждается, а изобретается предлог, по которому объявляется: «Я беременна».

Конечно, мы знаем, что это было вранье, обеспеченное нейтральной защитой Жюно тем, что «под него согласилась лечь горничная Жозефина Луиза Компуэн, бросившая на чашу весов свои прелести». Брат Жозеф был временно выведен из игры тем, что находился в высших эмпиреях писательского зуда, в соответствии с модой среди буржуазной интеллигенции того времени - графоманством: Жозеф пишет роман под названием «Мойна». Почему Мюрат был введен в заблуждение? Это вопрос, который бы разрешился, если бы определилась именная принадлежность золоченого приспособления для выжимки лимонного и апельсинового сока при изготовлении пунша с выгравированными инициалами «Ж» (G) и «Б» (B), которым неосторожно похвастался перед офицерами Мюрат, вернувшийся в действующую армию и угостивший товарищей пуншем. Мюрат в подробностях рассказал, что приспособлением пользоваться его научила красивая креолка, ему отдавшаяся. В тот же день история с золоченой соковыжималкой дошла до командующего. Мюрату пришлось уничтожить злополучную соковыжималку и объявить, что у его товарища в глазах спяну померещилось и он-де принял ошибочно «И» за «Ж», а «М» за «Б», т.е. неверно усмотрел собственные инициалы «Иоахим Мюрат».

Мюрат был первым, кто сообщил письменно Бонапарту о «беременности» Жозефины. В этот обман поверил, прежде всех, сам влюбленный, который беспокойством о «здоровье беременной» буквально всем надо ел. Даже влиятельный член Директории Баррас, раскусивший рискованный обман Жозефины и озабоченный желанием главнокомандующего Итальянской армией отпроситься в отпуск (когда Италия еще не до конца завоевана), заставляет главу военного ведомства Лазара Карно написать Бонапарту следующее письмо: «Директория, возражающая (глупости, когда? - В.К.) против отъезда гражданки Бонапарт из опасения, как бы заботы, которыми ее окружит муж, не отвратили его от попечения о славе и благе отечества, решила, что означенная гражданка отправится в до рогу не раньше, чем будет взят Милан. Вы в Милане, и у нас нет больше возражений (Милан уже больше месяца в руках французов. - В.К.)».

Филистерство, фарисейство и т.д. и т.п. властей предрержащих...

Соотношение сил сложилось настолько невыгодно для австрийцев, что можно было с уверенностью предвидеть

потерю ими всей Ломбардии до Минчио или до Эчи. Вышеуказанные коллизии личных отношений молодоженов легли следующим образом на хронику военных сводок.

Уже 4 мая продвижение французов на Вогеру указывало австрийцу Болье на опасность. И действительно, 7 и 8 мая под Фомбио разразил ся бой, куда в результате отхода попал австрийский генерал Липтай.

8 мая в 1 час дня Бонапарт выступает против него и отрезает Липтая от своего главнокомандующего Болье. Липтай теряет 600 человек и от ступает на Кодоньо. Лагарп преследует его и вынуждает отойти к Лоди. В период этих операций случайно своими солдатами был убит генерал Лагарп, которого по приказу главнокомандующего заменил Бертье.

«Грабежи и жестокости, в те времена широко распространенные в рядах французской армии, огромные контрибуции и поставки, наложенные на население, и революционная тенденция, угрожавшая разрушением всех установившихся отношений, возбуждали против французов почти всеобщую ненависть, как среди знатных, так и среди маленьких людей; французская партия частью очень ослабела, частью была запугана. Духовенство прилагало все усилия к тому, чтобы эта ненависть, разгоревшись, превращалась в действие.

Даже в самом Милане наблюдались признаки волнения, а Павия, охваченная настоящим восстанием, впустила в свои стены несколько тысяч вооруженных крестьян, принудила французский гарнизон цитадели сдаться и затем разоружила его»²⁰.

Можно только диву даваться проявившейся именно 9 мая 1796 г. расторопности молодого Бонапарта, который дает волю для раскрытия своего накопительно-собирательского потенциала, когда, кроме того что он, в промежутках между успешными боями, изливает в письмах свое чувственное состояние, обусловленное телесной потребностью молодости, столь ярко проявляется его, видимо, врожденная деловая бизнес-хватка накопителя-собирателя историко-художественных ценностей. Я сознательно опускаю слово «коллекционера», так как в материалах о Наполеоне мне не встречались какие-либо сведения о его искусствоведческих навыках и понятиях, кроме черт *накопителя ценностей* чисто буржуазной природы.

Утром 9 мая в Пьяченце, городке Пармского герцогства, куда Наполеон вошел, маневрируя своими отрядами при переправе через Треб-бию, было подписано перемирие с послами герцога Пармы, явившихся поспешно с просьбой о мире и покровительстве. Герцог Пармы не имел никакого политического значения: захватывать его владения не было никакой выгоды. Наполеон оставил его управлять герцогством, возложив на него и все те повинности, какие могла выполнить его страна. Таким образом, французам достались все выгоды, и они избавились от всех трудностей, связанных с управлением. Герцог уплачивал 2 млн деньгами, доставлял армии большое количество хлеба, овса и т.д., выставлял 1600 артиллерийских и кавалерийских лошадей и принимал на себя издержки по обслуживанию военных дорог, а также госпиталей, создаваемых в его владениях. Наполеон наложил контрибуцию предметами искусства для парижского музея - первый пример этого рода, встречаемый в новой истории. Парма дала 20 картин по французскому выбору. Среди них находилась знаменитая «Мадонна со Св. Иеронимом» Корреджо. Пармский герцог предлагал 2 млн, чтобы сохранить у себя эту картину, и уполномоченные армии склонялись к такой компенсации. Наполеон же заявил, что от двух миллионов вскоре не останется ничего, тогда как подобный шедевр будет служить украшением Парижа на многие столетия и вызовет появление других шедевров. Однако после краха наполеоновской империи «Мадонна со Св. Иеронимом» Корреджо возвратилась в Парму.

Интересно, что скорбный путь прозябания Вечного города - Рима начался в период французских революционных событий 1789-1795 гг., когда сюда партиями и в одиночку прибывали дворянские эмигранты. Город, как мог, приспособлялся к беспорядкам, принесенным революционными волнениями, подстрекаемыми якобинцами, специально засылаемыми Конвентом. Затем, в результате итальянских кампаний Бонапарта 1796-1797 и 1800 гг., в Вечном городе появились комиссары Директории, потом уполномоченные Консулата и, наконец, после 1804 г., появился военный губернатор, призванный создать оккупационный режим, замаскированный под вид Консульты - правительственного совета из пяти французов - гособразования, потом аннексированного. Римляне недобро смотрели на изымание папской казны и ватиканских историко-художественных сокровищ. Французы - Директория и Бонапарт - применили парижские идеологические схемы к итальянцам, поскольку искренне воображали, что в Риме, как и в Париже, возгорится сметающее «правительство попов» восстание, и народ двинется по дороге Революции к сияющим высотам свободы и братства!

Тупые, невежественные идеологи! Насытившись лозунгами, зажигательными и безответственными витийствованиями, начитавшись поверхностных брошюр, парижские революционеры плохо знали другие народы, в данном случае римских итальянцев, любивших патриархальныйклад своей жизни, любивших своего папу и свои религиозные праздники и процессии. Идолы из папье-маше якобинского толка и жалкие шествия в честь Нового Божества, устраиваемого в Париже, казались итальянцам не только кощунственными, но и жалкими подделками-пародиями.

Бонапарт послал римлянам своего брата Жозефа, потом Бертье с боевыми батальонами. И чтобы оккупация имела вид *покровительства*, создал искусственную Римскую республику. Римляне ее так и не поняли и не приняли, считая «французским режимом». Рим подвергся подлинному грабежу французской армией под началом Массены. Все шло, однако, с головы, т.е. так, как это было заведено в Итальянской армии, возглавляемой Бонапартом: *война должна*

кор мить войну. Население было ограблено, сокровища церквей, дворцов, музеев систематически опустошались, богатства Ватикана с его ценнейшей библиотекой были реквизированы. В Риме стояла статуя Па-скуино, которая исполняла функцию *гласа народа*, к которой римляне прикрепляли бумажки с лукавыми вопросами типа: «Правда ли, что все французы воры?». Получали в ответ: «Не все, но большая часть» (по-итальянски «Tutti, no, ma buona parte!»). Игра слов *buona parte* (большая часть) - «*Бонапарт*».

Вероятно, Наполеон Бонапарт был завоужен Римом и хотел сделать его вторым городом своей будущей империи. Своего сына он провозгласил Римским королем. В 1804 г. для коронации в Париже - своей и Жозефины, - под конвоем кавалерии был доставлен папа Пий VII, затем возвращен обратно и снова похищен. Рим был присоединен к Франции в качестве департамента *Тибр*. Население плохо выносило управление, навязанное иностранной военной силой. Все шло к тому, что однажды контроль над ситуацией будет утрачен.

Однако, можно ли насильно осчастливить человека? «О французском владычестве в Риме, в эпоху Первой империи (и Великой французской революции. - В.К.), вместе с истреблением суеверия при являлись истреблять и коренные начала народного характера. Гоголь Николай Васильевич отзывался с негодованием»²¹.

10 мая Бонапарт выступает на Лоди во главе гренадер, за которыми шла дивизия Массены. Австрийский пост в Лоди состоял из 12 батальонов и 16 эскадронов - всего 12,6 тыс. человек²².

Клаузевиц указывает на моральный фактор действий Бонапарта, которые тоже принадлежат стратегии. Бонапарт в своем донесении называет бой за обладание одним единственным мостом сражением при Лоди, украшенным трофеями: 20 орудий и несколько тысяч плененных. Весть об этом бое облетела всю Европу. Бонапарт не преследовал австрийцев: провел с войсками у этого пункта четыре дня и обратил внимание на овладение Миланской областью и самим Миланом, в которых наблюдались беспорядки, вызванные радикальными (революционными) элементами. Явление последних, безусловно, стимулировались санкюлотскими настроениями в частях республиканской, с прошлого (1795) года, французской армии. Опытный и талантливый от рождения публицист, Бонапарт беззащитно использовал левые лозунги и, как следует из его воззваний к солдатам Итальянской армии, обращался он и к низменным человеческим побуждениям: *к грабежам*, например, если они в текущий момент были целесообразны.

Рассказ о сражении при Лоди приводится в книге Жомини, который является не чем иным, как донесением Бонапарта Директории²³... Бонапарт в своих мемуарах воображает себя на месте Бонапарта и притом сохраняет за собой все превосходство сил. Австрийцы с потерями отступили.

Теоретики говорят, что штурм у Лоди стратегически немотивирован, так как Бонапарт мог получить мост, который штурмовал, на другое утро даром.

Озеро должен был идти через Павию, где он занял цитадель гарнизоном в 300 человек, и 14 мая он соединился с Массеной у Милана, куда Бонапарт торжественно вступил 15-го под гул народного ликования.

С государем Модены из Дома Эсте, с которым перемирие было подписано уже в Милане 17 мая, Бонапарт поступил так же, как с герцогом Пармы. Этот правитель должен был уплатить 10 млн, по ставить лошадей, припасы и определенное количество шедевров искусства. Пока шли переговоры о мире, для чего соответствующие по рангу лица отправились в Париж, где, однако, заключение мира было сорвано, весь процесс затянулся. В это время государь Дома Эсте переправил свои сокровища в Венецию, но в 1798 г. умер...

Жители Милана, почти офранцузенные под влиянием постоянных вторжений Франции в пределы Ломбардии, сначала шумно приветствовали своих освободителей. Но освобождая дружественную нацию от гнета ненавистных ей иноземцев, Директория не упускала из вида и своих целей. Ломбардия могла достойно вознаградить усилия французских войск, могла помочь Директории в ее стремлении превратить Париж в «центр светочей, в место свидания для ученых и артистов» разных стран. Необходимо было, по соображениям Директории, извлечь из Ломбардии драгоценнейшие монументы итальянского искусства, картины величайших мастеров для украшения музеев Парижа.

В доверие к высшей миланской интеллигенции Бонапарт вкрадывался столь проникновенно-лестными словами не только из-за утилитарных целей пожить уже ранее созданными интеллектуально-духовными ценностями, но и в надежде оживить у нее - интеллигентской элиты - вкус к забытому в глубокой дреме созданию своих новых исторических гениев. В вихревых струях водоворота республиканских пассионариев их деловая хватка и рвение прорвавшейся к властному рулю буржуазии привела, непосредственно в Милане, к созданию комиссии для выбора, т.е. грабежа, и отсылки в Париж достойнейших итальянских произведений. Конечно, все это проводилось при участии нашего старого знакомого (и по Тулону, и по коллизиям ареста Бонапарта по следам термидорианского переворота) комиссара Саличетти, ставшего достойным завхозом при главнокомандующем, которому французское правительство выдало мандат, поощряющий его обращать особенное внимание на предметы итальянского искусства и науки, входить в дружеское общение с миланскими учеными и художниками, склоняя их, поскольку это возможно, принять французское подданство.

Манускрипты Леонардо да Винчи, тронувшие уже умы ученых архивариусов, носивших титул *Doctores bibliothecae Ambrosianae*, хранились в Амброзианской библиотеке, основанной в 1602 г. кардиналом Федерико Борromeо в Милане, поручавшего собирать рукописные редкости не только Европы, но и Азии, и открытую для всеобщего пользования в 1609 г. Библиотека была названа в честь миланского епископа Святого Амвросия Медиоланского, которому приписывается сочинение тридцати церковных гимнов, в том числе «Тебя Бога хвалим» (*Te deum laudamus*). Прах этого епископа,

умершего 4 апреля 397 г., захоронен под алтарем Амброзианской библиотеки.

Редкости, прежде всего рукописи Леонардо да Винчи, были сразу взяты на заметку комиссией как драгоценнейшая добыча подобного утонченного расхищения. «Бонапарту не трудно было отослать во Францию эти несметные сокровища ума и вдохновения, рукописи Леонардо да Винчи, упаковав их в глухие ящики, предназначенные для двух книгохранилищ Парижа. Это было поистине неслыханное завоевание, купленное ценой иноземной крови. Бонапарт без всяких колебаний похищал у Милана его величайший клад, в котором таились элементы будущих знаний и открытий на целые века. Небольшое здание Амброзианской библиотеки вдруг словно опустело, утратив этот замечательный секрет итальянского гения. Дар графа Арконати, который благородно отверг щедрые предложения английского короля, был беспрепятственно увезен во Францию как часть военной контрибуции. Весь Милан на время как бы потускнел.

В Париже рукописей Леонардо да Винчи, вместе с другими произведениями искусства и науки, ожидали с величайшим нетерпением. Ящики задержались где-то по дороге на несколько месяцев, и французское правительство, волнуемое жадной охотой, отправляло письма и запросы в Милан, торопя присылкой и требуя объяснений. Наконец, 25 ноября 1796 г. желанные ящики прибыли в Париж, о чем было немедленно оповещено в *"Journal Officiel"*, и рукописи Леонардо да Винчи были размещены в двух библиотеках: Национальной библиотеке и библиотеке Института. Нужно сказать, что Франция сумела сразу воспользоваться этим громадным научным капиталом. Ее ученые заинтересовались содержанием манускриптов, и уже в 1797 году в Париже появилось великолепное сочинение члена Института, Вентури, под названием *"Essai sur les ouvrages physico-mathematiques de Leonard de Vinci"*, положившее основание серьезной разработке вопроса о научной деятельности Леонардо да Винчи»²⁴.

Участие Наполеона в «разбазаривании» наследия Леонардо, как оказалось, не нанесло ему особого вреда: ведь ничего не было изувечено и искромсано. Можно было считать это забавным эпизодом, поскольку в 1815 г., после вступления в Париж союзных войск, австрийский комиссар, представляющий интересы Италии, потребовал от Национальной библиотеки возврата вместе с другими учеными и литературными трудами и рукописей Леонардо да Винчи. Однако произошло недоразумение, неразрешенное до сих пор. Из Милана в Париж, по описи были отправлены: «Атлантический Кодекс» - обширный текст в 399 листов большого формата (65 x 44 см), содержащий в себе 1750 рисунков, и еще 12 отдельных манускриптов. Вероятно, австрийский комиссар, составивший требование, посчитал обширный «Кодекс» за весь объем рукописей, поэтому в Милан в Амброзианскую библиотеку возвратился только «Атлантический Кодекс». Двенадцать манускриптов Леонардо да Винчи остались во Франции в Институте.

«Кодекс» издан за счет итальянского правительства отдельными роскошными выпусками, но оригинал его недоступен для публики: показывали под стеклом только один лист непосредственно в Амброзианской библиотеке.

«Все оставшиеся во Французском Институте манускрипты тоже изданы целиком и стали доступны миру. Они отпечатаны в шести огромных томах под редакцией и с французскими переводами замечательного почитателя Леонардо да Винчи, Равессона-Мольена. Этот знаток в течение десяти лет дешифровал, точнейшим образом перевел, снабдил обширными библиографическими примечаниями, обнимающими всю литературу предмета, и издал с бесподобными факсимилями каждого отдельного листа все рукописи Французского Института. Оригинальные листки манускриптов воспроизведены в издании Равессона с той благоговейной заботливостью, с какою оберегается неприкосновенная святыня: сохранен размер листков, цвет бумаги, с прозрачной дымной копотью времени, каждое случайное пятнышко, каждый росчерк руки, колорит полинявших чернил, и все эти бесценные факсимиле, как законченное художественное произведение, наклеены на великолепную дорогую бумагу длинных томов издания, на которых они выступают, как на белом поле. Многочисленные рисунки и чертежи сфотографированы так точно и тонко, что кажется, будто эти безукоризненные линии только что проведены магической рукой художника. В переводе удержаны, с поправкой в квадратных скобках, даже незначительные ошибки и опуски Леонардо да Винчи. Все сохранено в том самом виде, как было в оригинале.

Переворачивая лист за листом эти монументальные тома и даже еще не вчитываясь в печатный текст, сопровождающий факсимиле и сохраняющий все особенности слитного правописания Леонардо да Винчи по слуховому методу, невольно вовлекаешься в какую-то мечтательную игру линий, фигур, сложных и безукоризненно правильных рисунков всевозможных родов и типов. Здесь в самом деле раскрывается душа Леонардо да Винчи, душа в ее отвлеченных парениях и прозрачных кристаллах научного творчества. Перед нами бесшумно скользят широкие полосы умственного света, раскрывая тайны природы и выражая их в холодных, незыблемо правильных формулах математики и механики. Чтобы постигнуть художественные произведения Леонардо да Винчи, с их сложным содержанием и тонкими научными расчетами, которые создают волнующие эффекты, надо пройти трудную школу его отвлеченно-философского мышления, как оно отразилось именно в этих манускриптах Французского Института»²⁵.

Мы цитируем этот отрывок из работы А.Л. Вольнского «Леонардо да Винчи», вошедшей в вышеприведенное издание «О науке и искусстве» с оригинальными суждениями гениального флорентинца, чтобы прояснить нашу позицию в отношении столь парадоксально го деяния, как «кража века» из миланской библиотеки манускриптов Леонардо да Винчи, совершенная главнокомандующим французской армии Бонапартом Наполеоном, получившим прямое указание своего республиканского правительства *обращать особенное внимание на предметы искусства и науки* (и он обратил).

Этот узаконенный (со стороны собственного государства) *грабеж интеллектуально-художественной*

собственности мы в конкретных исторических условиях совершающегося революционного процесса *вынуждены оправдать*, несмотря на отрицательный набор юридических доводов. Я считаю, что в тех условиях неразберихи начинающейся в Италии эпохи освободительно-объединительного движения рукописи Леонардо служили бы «разменной монетой» различных амбициозных, но нищенствующих клик и, скорее всего, путем продаж рассеялись бы по миру; к нашему времени от них остались бы лишь воспоминания.

Переброска Наполеоном реликвий в Париж, полнейшая их сохранность и быстрое начало процесса публикаций (буквально на следующий год после доставки их в Институт) стимулировали и публикацию части рукописей, возвратившихся в Италию, после окончания наполеоновских войн в 1815 г. Поскольку Наполеон в 1796 г. действовал в рамках провидентных границ, то его инициатива не могла иметь деструктивного характера и в конечном счете имела позитивное значение. Неисповедим механизм сопричастия и содействия гениев друг другу, даже после материализованной кончины одного из них или даже обоих.

В свое время Франциску I не удалось перевезти в Париж «Тайную Вечерю» Леонардо да Винчи, для чего надо было бы вырезать всю стену трапезной в монастыре Santa Maria delle Grazie, то и в 1796 г. военные инженеры Итальянской армии отговорили Бонапарта от такого предприятия: они утверждали полную утрату произведения искусства во время такой операции. Однако, несмотря на приказ, который Бонапарт написал почти на ходу на приподнятом колене о сбережении леонардовской фрески, полностью охранить ее от вандализма солдат ему не удалось. Как не удалось ему распоряжения о предотвращении мародерства французской армии, вызвавшие волнения в самом Милане, когда сам Бонапарт находился в военном лагере вблизи Мантуи.

Бонапарт с батальоном пехоты, кавалерии в 300 всадников и шестью орудиями немедленно отправился в Милан, куда прибыл 24 мая вечером, восстановив спокойствие, обеспеченное обычными мерами - расстрелами, взятием заложников и возложением круговой ответственности за своих солдат и сторонников на целые корпорации. В этот же вечер Бонапарт писал знаменитому итальянскому астроному и геометру Ориани. Я предлагаю другой перевод письма по сравнению с переводом его в книге историка и теоретика искусства Акима Львовича Вольтского (1861-1926) «Леонардо да Винчи» (1900; 2-е изд. 1909), который показался мне слишком тенденциозным, что следует, на пример, из перевода фразы Наполеона «Гении - это французы, как бы ни называлась страна, где они родились»²⁶. В нашем варианте письмо звучит следующим образом. «Науки, которые делают честь уму людей, и искусства, которые украшают их жизнь и передают потомству памятник великих, должны, конечно, быть и почтены, и уважаемы. Все люди гениальные и всякий человек, стяжавший известность в литературе, должны быть братьями, в какой бы стране не родились.

В Милане ученые люди не пользуются теми знаками уважения, которые бы следовало им оказывать. Удалившись в свои кабинеты, они уже считают себя счастливыми, если их оставляют в покое. Не так должно быть нынче. Я приглашаю всех ученых мужей соединиться и предлагать мне свои мысли о способах и нужных им средствах для придания наукам и искусствам новой жизни, новой деятельности. Те из этих ученых, которые захотят переселиться во Францию, будут приняты там нашим правительством радушно и по достоинству. Французский народ более ценит приобретение одного ученого математика, одного славного живописца, одного человека известного по какой бы то ни было отрасли наук или искусств, чем приобретение самого богатого города.

Передайте же, гражданин, эти чувства и эти слова всем ученым мужам Миланской области.

Бонапарт»

В рядах республиканской армии грабежи и жестокости были своим делом и инструментом подавления оккупированного населения. Так, генерал д'Аллемань из дивизии Лагарпа и стоявший у Пичигетоне, 9 мая писал Бонапарту: «Тщетно до сегодняшнего дня пытался я предотвратить грабежи. Поставленная мной стража не помогает, бесчинства достигли крайних пределов.

Необходимо было бы для устрашения примерно наказывать виновных. Я не знаю, в праве ли я налагать такие наказания»²⁷.

На другой день после замирения миланских мятежников, Бонапарт обратился на Павию и с отрядом в 1800 человек рассеял у Бинаско 700-800 вооруженных крестьян, и 26 мая подступил к воротам Павии. Предложение сдаться было отвергнуто. Попробовали разбить ворота огнем орудий. Эта попытка не увенчалась успехом, зато удалось карать тенью прогнать толпы вооруженных крестьян с валов, находящихся у ворот. После этого колонна приблизилась к ним и разрушила их ударами топора. Тотчас вся колонна ворвалась через разбитые ворота и овладела несколькими соседними домами. Под их защитой проникла пехота и кавалерия, помчалась по улицам, разгоняя вооруженных людей. После этого вскоре появился магистрат, духовенство и прочие и заявили о покорности города.

Бонапарт приказал расстрелять каждого десятого человека из гарнизона. Коменданта предал военному суду, приговорившему его к смертной казни, приказал поджечь город с нескольких концов и по зволил разграбить его в течение нескольких часов.

После этого решительного акта устрашения Бонапарт вернулся в Лоди и нагнал свою армию на пути в Брешию, куда он вступил с ней 28 мая.

30 мая в 7 часов утра началась французская атака на Боргетто. Интересно, что во время этой атаки австрийский командующий Болье, находившийся в Сан-Джорджио, едва не был взят в плен. Именно там, где появился с разницей в

небольшое время французский командующий: у Бонапарта произошел сильнейший приступ головной боли, и он, чтобы принять ножную ванну, отъехал от Боргетто, где сражение затихало в пользу французов, в тихое местечко Сан-Джорджио. А там австрийский эскадрон кавалерии под началом Зеботтендорфа и наткнулся на Бонапарта; едва успели часовые запереть ворота, генерал же в одном сапоге, с босой ногой спасся через заднее крыльцо...

Несколько ранее, будучи в Лоди 14 мая, Бонапарт получил послание от Директории, содержащее план ведения войны в Италии. Этот план намечался в общих чертах, но не предписывался к исполнению. План состоял в разделении 40-тысячной Итальянской армии на две части. Одна половина под командованием Бонапарта должна пойти в Нижнюю Италию для *революциализации* этих областей, т.е. Папской и Неаполитанской (так говорится в «Мемуарах»). Другая половина под начальством Келлермана должна была блокировать Мантую и охранять линию по р. Эч.

Бонапарт, конечно, возмущен самой возможностью таких планов Директории, и в своем ответе от 14 мая, лишь намекнув на свою обиду, доказывает нецелесообразность разделения командования.

Датированное 28 мая послание Директории гласит: «Гражданин генерал, вы, по-видимому, желали бы продолжать вести всю совокупность операций настоящей кампании в Италии. По зрелом обсуждении этого предложения и питая глубокое доверие к вашим талантам и республиканскому усердию, Директория разрешила этот вопрос в положительном смысле.

Генерал Келлерман останется в Шамбери и т.д.»²⁸.

Итак, 30 мая французы перешли Минчио, поскольку австрийцы отступили на север к Тиролю, вдоль восточного берега Гардского озера.

Это отступление предоставило Мантую самой себе. 3 июня главная квартира Бонапарта была в Вероне - сильно укрепленном пункте, который, защищая Адидже, обеспечивал для Бонапарта обладание обоими берегами реки и который имеет еще другое стратегическое значение вследствие своего топографического положения. Многочисленные горные отроги, идущие от Тирольских гор к югу вдоль Гардского озера, спускаются и переходят в равнину у Вероны, которая, следовательно, расположена у подножия образуемых ими долин. По сторонам этого ряда отрогов лежат долины Адиджская и Brentская, со стороны которых и можно было ожидать атаки австрийцев. Верона, таким образом, была центральным пунктом по отношению к каким бы то ни было наступательным движениям противника и сделалась поэтому также опорной точкой стратегии Бонапарта. 4 июня войска его обложили Мантую. Достигнув теперь цели своих операций, Бонапарт временно перешел от наступательных действий к оборонительным, остановил движение вперед своих сил и занялся укреплением за собой территории вдоль течения р. Адидже и обеспечением скорейшего успеха осады Мантуи.

Как мы уже говорили выше, герцог Пармский присоединился к Конвенции 9 мая, а 17-го последовал его примеру герцог Моденский. 5 июня неаполитанское правительство, пробужденное от своей мечты о безопасности королевства, подписало перемирие, отозвав свои войска из коалиционной армии и корабли из британского флота²⁹.

«Я вижу только одно средство не быть разбитым осенью: это - устроить дела так, чтобы нам не пришлось двигаться в Южную Италию». Так как папа еще держался, то Бонапарт, воспользовавшись временем, которое необходимо было австрийцам для приготовления к новому походу, двинул в папские государства корпус Ожеро, со провождая его и лично. 19 мая он достиг Болоньи, а 24-го подписал перемирие. Кроме Болоньи, французы, до подписания мирного договора в Париже, удерживали Феррару и Анкону, а папа выплачивал 21 млн франков контрибуции (за беспокойство), а также должен был поставить лошадей и другое военное снаряжение и, конечно, передать 100 произведений искусства.

Успехи Бонапарта от предприятий против Легатских провинций Папской области были очевидны и без специального похода Итальянской армии в Нижнюю Италию. Сам Бонапарт направляется в Милан, чтобы ускорить открытие подступов к миланской цитадели.

В Милане Бонапарт пишет 23 прериаля (16 июня) 1796 г. письмо Жозефине (из нашего архива).

«Милан, 23 прериаля (16 июня) (1796) Жозефине

Где тебе передадут это письмо? Если в Париже, то я определенно несчастлив. Ты не любишь меня больше. Мне остается только умереть... Возможно ли это? Все змеи фурий обитают в моем сердце, и я существую уже лишь наполовину. О ты!.. Мои слезы текут, нет мне ни покоя, ни надежды. Я чту волю и поддающийся исцелению закон судьбы. Он дал мне славу, чтобы заставить меня с еще большей горечью почувствовать мое несчастье. Я привык бы ко всему при новом положении дел, но я не могу приучить себя к тому, чтобы больше не ценить тебя. Но нет, это невозможно. Моя Жозефина уже в пути. Она любит меня, хотя бы немного. Столько обещанной любви не могло исчезнуть за 2 месяца. Я ненавижу Париж, женщин и любовь. Мое состояние ужасно, а твое поведение... Но должен ли я винить тебя? Нет, твое поведение диктует твоя судьба: столь очаровательная, столь прекрасная, столь нежная, ты должна была стать орудием моего отчаяния. Тот, кто передаст тебе это письмо, — это г-н герцог Сербеллони, один из самых крупных сеньоров этой страны, который направляется в Париж, чтобы засвидетельствовать свое почтение правительству. Прощай, Жозефина. Стоит тебе подумать обо мне, и я буду счастлив, я полностью изменюсь. Обними милых детей. Они пишут мне очаровательные письма. Раз уж я не могу больше любить тебя, я люблю их все больше. Невзирая на судьбу и честь, я буду любить тебя всю жизнь.

Сегодня ночью я перечитал все письма, даже то, что написано твоей кровью. Какие чувства они заставили меня испытать! Гражданин

Бонапарт

Улица Шантерен №6 Париж»

Жозефина еще не выехала, но стала понимать и без всевозможных просьб и понуканий, что нужно это сделать, поскольку в последних письмах, в том числе и в представляемом, замаячил некий смутный образ в виде слов и выражений:

«горечь», «несчастлив», «ты не любишь меня», а в некоторых письмах какие-то неприятные рассуждения насчет «разрыва», «развода» и пр.

Жозефина начинает укладывать багаж в перерывах между объятиями с дорогим Ипполитом, когда и читаются письма мужа. В них, между тем, рефреном проходит мысль, что у жены есть любовник. И это наводит ее на парадоксальную идею: взять Шарля с собой в Италию, якобы интенданта вместе с жуликами-поставщиками, с которыми у Жозефины деловые отношения, особенно активизировавшиеся после высказывания Бонапарта в одном письме: «Если хочешь кого-нибудь пристроить, можешь прислать его сюда, я подберу ему место». Современник следующим образом подытожил подобные обстоятельства: «Одна общая для всех мысль объединяла множество самых разных людей - жажда денег, и для того, чтобы их добыть, годились любые средства. Элегантнейшие женщины не брезговали сделками с поставщиками и соглашались хранить и предъявлять образцы товаров, на которых спекулировали они сами или их протеже, а в то время протекция добывалась лишь ценой раздела барышей»³⁰...

24 июня в крайней подавленности, заливаясь слезами и рыдая, Жозефина после обеда, устроенного в ее честь Директорией, садится в берлину с мопсом Фортунэ, укусившим Наполеона за лодыжку в первую брачную ночь; с двумя сопровождающими лицами - вполне мочеными Жозефом и Жюно, на которых возложена задача: *генералу* привезти *генеральшу*; и третьим - Шарлем, интендантом-компаньоном, с которым Жозефина сидела, касаясь коленями.

Не будем останавливаться на банальностях: гениальный муж-простак или очень занятой человек и бездельница-жена с определенными эротико-сексуальными возможностями и потребностями, удачно насыщаемыми любовником-ничтожеством.

Позднее историки усреднили наполеоновский образ: молодого Бонапарта с колотящимся сердцем, сгорающего от желания принять в объятия чересчур желанную жену с эмоциями, переходящими на подсолнечный уровень с охватом всего человеческого естества; с Наполеоном, Первым консулом и императором, следующим логическим путем прагматика, поступающего в любви с точностью ходов шахматной логики. Односторонняя любовь подобна не качелям, где возможны взлеты и падения, а затухающему маятнику, в котором вслед за возвратом чувств любви следует их гашение с постоянным уменьшением амплитуды.

26 июня Бонапарт покинул Болонью и в Пистойе присоединился к дивизии Вобуа. 29-го с ней вместе он вступил в Ливорно, захватив там английские товары, что внесло в кассу Директории 12 млн франков. Бонапарт оставил Вобуа с двухтысячным гарнизоном в Ливорно и По и отправился к армии, стоявшей у Эча.

То же сделал Ожеро со своей дивизией, после того как из найденных в Урбино и Ферраре орудий он отправил в артиллерийский парк в Боргофорте 70 орудий для осады Мантуи. Настроение жителей этих папских городов было настолько благоприятно для Франции, что до статочно было вновь учрежденной национальной гвардии для обеспечения обладания ими. Поэтому в конце июня дивизия Ожеро снова присоединилась к армии.

А 27 июня пала цитадель Милана.

В июне большой австрийский генерал Болие сложил с себя звание главнокомандующего, временно передал командование генералу Ме-ласу и в конце месяца отбыл из армии.

После отказа от перемирия на Верхнем Рейне и наступления Журдана, эрцгерцог Карл, ставший командующим, отразил эту наступление, но три недели спустя, 23 июня, Моро с Рейнско-мозельской армией перешел Рейн у Страсбурга. Но еще до этого австрийское правительство определило генералу Вурмзеру идти с подкреплениями в Италию и взять на себя там командование.

Пока Вурмзер с подкреплениями доберется до места назначения, у Бонапарта появилась трехнедельная передышка, которую он мог по святить прибывающей супруге.

Вечером 30 июня, в четверг Бонапарт во Флоренции с курьером получает письмо от Жозефа о скором ее прибытии. Реакция его на это сообщение дошла до нас:

«Бертье, - кричит он, обезумев от вождельного восторга, расплавленного четырехмесячным воздержанием, терзающим его по ночам, - Бертье, она едет. Вы слышите, она едет. Я же знал, что в конце концов она решится»³¹.

Наверное, с молодым Бонапартом случилось то, что бывает в начале взрослой жизни с молодым человеком, которому «обозначилась» подходящая и состоятельная (об этом ниже), подвернувшаяся или подставленная (см. дальше) женщина, умело и своевременно ему отдававшаяся, к тому же уже хорошо усвоившая все предыдущие немудреные уроки доставления мужчине плотских удовольствий. В его глазах виконтесса была богатая принцесса «голубых кровей», тогда как у Жозефины не было ничего, кроме долгов, и никаких приносящих миллионные доходы плантаций на Мартинике. Титул же был узурпирован: ее первого, гильотинированного революцией мужа Александра Богарне в бурбонское (в 1785 г.) время чиновник королевской геральдической службы уведомил, что тот «не в праве притязать на представление ко двору». Сам Баррас и другие в своих записках утверждают, что Роза (Жозефиной ее «окрестил» Наполеон), сделалась «лишней» для влиятельного члена Конвента Барраса, ибо перед ним замаячила белотелая, молодая, т.е. свежая и, несомненно, более красивая Терезия Тальен.

Александр Богарне, с юности «красивый мальчик», обладал природным легкомыслием наряду с сомнительным дворянством, происходя скорее из нотариусов или судебных чиновников, конечно, без какого-либо потомственного дворянства, возможно, служилого, но не более чем с 20-летним стажем. Однако любвеобильный Александр после брака с

Розой *по расчету* (?), был обезоружен ее кротостью, томностью (природный дар с Антильских островов) и смирился с ее невежеством, безграмотностью и ребячеством креолки, влюбившейся в него, а за тем ощутившей его ничтожество и надоедливость педантизмом и фатовством. Потом появилось двое детей, и произошел уход мужа от нее к другой женщине. Далее - революция, взлет Александра, влиятельного члена, затем председателя Учредительного собрания, говоруна-якобинца, весьма напыщенного оратора, способного с равной легкостью говорить о положении евреев и наводнениях, о монахах и путях сообщения. Как бездарный и нерешительный генерал армии, он был арестован и, когда начался террор, угодили под гильотину. Его жена тоже попала в тюрьму и со дня на день ожидала казни. Чудом осталась жива, и благодаря термидорианскому перевороту 1794 г. вышла на свободу. Вероятно, психика ее была подорвана, потому что она стала удивительно доступной и сговорчивой женщиной, не умеющей сказать «нет!». Чем ловкие дельцы потом в полной мере пользовались.

Из мемуаров Барраса следует, что здесь придумывать ситуацию ему не требовалось, нам известно о вечернем обеде его с Розой 13 вандемера, на котором, «нисколько не сочувствуя секциям, г-жа де Богарне лично была целиком наша, но вряд ли она что-то собой представляла». Она узнала от самого Барраса, как роялисты угодили под картечь на паперти Святого Роха на улице Сент-Оноре и как этими картечными залпами смел их оттуда маленький *Буонапарте*, встречаемый *веселой вдовой* Богарне в известной хижине Терезии Тальен. Подобное написание фамилии было указано в газете «Монитор» от 22 вандемера. Да и сам маленький генерал тогда произносил свою фамилию «Буана-парте». Однако едва ли веселая вдова обратила на него свое внимание с любовной стороны, да и не только тогда, но и впоследствии. Если от бросить прагматическую точку зрения *полезности*, то она не любила его никогда или не могла полюбить: *это был не ее мужчина*. Может быть, какие-то благодарственные или жалостливые ассоциации возникли в ее сознании к поверженному и изгнанному Наполеону накануне собственной ее смерти 29 мая 1814 г. Последние слова Жозефины были: «*Бонапарт... Остров Эльба... Король Римский...*»

Кумиром ее был Баррас, которого она видела «сидящим в одном из больших бархатных кресел с золотым позументом, которыми была меблирована вся его квартира; немного походя на исповедника, он поочередно выслушивал тех, кто справа и слева осаждали его с дела ми, и принимал, с риском их потерять, адресуемые ему прошения». Он был похож на настоящего монарха, и она боялась даже мечтать о том, чтобы он женился на ней. Когда же прогнозировался ее брак с Бонапартом, она сказала Баррасу: «Вас я буду любить всегда, но жете на это рассчитывать. Роза всегда будет ваша и в вашем распоряжении, стоит вам только подать знак». С ним она испытывала острое сексуальное влечение - удовлетворение, и, полагала ее немудреная креольская душа и натура южанки, эти оргазмоистические экзерциции и есть вершина любви.

Между тем была ситуация, когда Бонапарт, ерзая от нетерпения на тахте, ждал Розу у нее дома. Она же пришла, после встречи с Баррасом, который предвкушая сладость общения с молодой белокурой Терезией Тальен и ее роскошным бюстом, прохладно обошелся с Розой, после чего она залилась горячими слезами. Корсиканец же подскочил, воскликнув: «Я потребую от него объяснений». На что Роза заключила: «У него несколько резковатые манеры, но он очень добр, очень услужлив; это друг, и ничего больше». Баррас же приводит обращенные к нему такие ее слова: «Разве можно привязаться к другому после того, как любила такого человека, как вы?».

Бонапарт поверил или, может быть, хотел поверить: у него возникли в воображении химеры, которые подчас заменяли в его сознании жизненные реалии.

Итак, Жозефина едет к Бонапарту. Два дня провела в Фонтенбло у бывшего тестя Богарне и своей тетки г-жи де Реноден, которые уздали конили свою связь.

7 и 8 июля в Лионе ее встречают как монархиню: войска в парадной форме, цветы, речи, кантата... Она еще не пресытилась. От перспективы встречи с мужем на ее чело набегают мрачные тень, которая по ночам, однако, уходит, ибо на ночлег комнаты в гостиницах - ее и Ипполита - располагаются по соседству. То же происходит и у Жюно с хорошенькой Луизой Компюэн. Жозеф помалкивает, но когда-нибудь заговорит.

8 следующих каретах, кроме горничных и юной прислуги, едут компаньоны Монглас и Амлен, а также князь Сербеллони, президент будущей Цизальпинской республики, сестры Французской республики. (Бонапарт на территории Италии образовывал республики-сестры, которые со временем делались французскими департаментами.) Все вместе пользуются эскортом, сопровождающим генеральшу: на дорогах беспокойно.

Кортеж следует через Шамбери, Ланлебур, Мон-Сени, Новалеза... Турин и через восемнадцать дней достигает ворот Милана с сияющим Бонапартом и экипажем, запряженным «шестериком».

Бонапарт, наконец, может обнять свою обворожительную женушку. Скорей во дворец Сербеллони, в котором изысканно меблированные комнаты ждут его с сокровищем, в котором концентрированно должны сойтись им же разбуженные потоки животворящей энергии души и тела, тех горячих эмоций, изливаемых до этого в письмах.

У него впереди целых два дня наслаждений Эдема, как он уже словесно определял. Но он слышит отрезвляющие слова, что даже не сразу доходит до его сознания: у Жозефины «*колотье в боку*», и вообще, она очень устала. (Ведь позади была бешеная совместная ночь с Шарлем Ипполитом и ей было мало отдохнуть.) Похоже на то, что, прикидываясь больной, ей удалось в эти два дня увильнуть от дел в *camera matrimoniale* (ит. - супружеская спальня).

Еще находясь в любовном угаре, инстинктивно ощущая наличие любовника, которому предназначались и уходили

все чувства и созидательная женская энергия, прозревая обман и одновременно прогоняя от себя закулисные картины артистического лицедейства супруги, в частности с «колотьем в боку», Бонапарт направляется в действующую армию.

17 июля 1796 г. из местечка Мармироло он пишет своей обожаемой Жозефине, которая, работая на опережение и представляя себе со всей ясностью свой притворственный перебор, пишет Бонапарту письмо-записку с миланскими новостями, на которое он и отвечает.

Письма Бонапарта из Мармироло от 17 июля, из Вероны от 22 ноября и во фрагментах от 23 ноября 1796 г. точным образом подкрепляют вышеприведенный тезис и полностью подтверждают затухающую амплитуду модели односторонней любви.

«Мармироло, 29, в 2 часа пополудни

Я получил твое письмо, мой обожаемый друг, оно наполнило мое сердце радостью.

Я тебе благодарен за труд, который ты взяла на себя, чтобы сообщить мне свои новости, твое здоровье должно быть наилучшим, сегодня я уве рен, что ты выздоровела. Я очень склоняюсь к тому, что езда верхом на лошади не может не пойти тебе на пользу. Я не думаю, что ты должна употреблять другое лекарство, это как раз то, которое может прекратить твои регулы. Твоя боль происходит оттуда, это то, что повлекло за собой причину твоей боли в результате, должно быть, лекарства.

С тех пор, как мы расстались, я все время печален. Мое счастье — быть около тебя. Какие ночи, мой добрый друг, я провел в твоих объятиях. Без конца я вновь просматриваю в своей памяти воспоминания всего того, что мы делали: твои поцелуи, твои слезы, твоя милая ревность и очарование несравненной Жозефины вновь беспрестанно зажигают горячее и обжигающее пламя в моем сердце и в моих чувствах. Когда, свободный от всякой тревоги, от всякого дела, смогу ли я забыть те мгновения возле тебя, только тебя любить и не думать о счастье тебе это говорить, тебе это доказывать. Я тебе пошлю твою лошадь, но я надеюсь, что ты скоро сможешь ко мне присоединиться. Я думаю несколько дней о том, как люблю тебя, но с тех пор, как я тебя видел, я чувствую, что люблю тебя в тысячу раз больше, чем с тех пор, как узнал тебя. Я тебя обожаю все эти дни все больше, это хорошо доказывает, насколько является ложной максима де ла Брюэра, что любовь приходит разом, все в природе имеет свой ход и разные ступени роста.

Ах! Я тебя прошу, позволь мне увидеть хоть какие-нибудь из твоих недостатков, будь менее прекрасной, менее грациозной, менее нежной, менее доброй.

Особенно, не будь никогда ревнивой и не плачь никогда, твои слезы лишают меня рассудка, сжигают мою кровь. Думаю, что это более не в моей власти иметь мысль, которая не была бы твоей, и идею, которая не будет тебе послушна.

Ты отдыхай, побыстрее восстанавливай свое здоровье, приезжай, присоединяйся ко мне, чтобы прежде, чем умереть, мы могли бы сказать: у нас было столько счастливых дней!!!

Тысячи поцелуев, и даже Фортуна, несмотря на его злобность и то, что ты привязана к нему.

Наполеон Бонапарт своей супруге Жозефине, 17 июля 1796 г.»

Военные действия развернулись у Мантуи, крепость которой господствовала над отрогами долин рек Минго и Адидже. Именно вдоль них двинулись в Италию австрийские войска. Итальянский театр военных действий, начавшийся 1 августа 1796 г., продолжался до 2 февраля 1797 г. Осаду Мантуи пытался снять с 70-тысячной армией Вурмзер. Но был разбит в сражении при Лонато (3 августа) и Кастильоне (5 августа). Клаузевиц обозначает восемь последовательных боев в период с 29 июля по 5 августа одним собирательным названием «сражение при Кастильоне».³²

Через месяц (три недели Бонапарт стоял на Эге) Вурмзер со 150-тысячной армией в 50 тыс. человек предпринял новое наступление в долине Адидже. В течение 12 дней австрийская армия была разгромлена: сначала 4 сентября упреждающим ударом при Ровередо Бонапарт громит авангард австрийцев, затем 8 сентября отбрасывает у Бассано самого Вурмзера, который с боями (у Черра 11 сентября, под Вилла Императора 12 сентября - в обоих случаях удачными для австрийцев, но закончившимися поражением у Сан-Джорджо и Фавориты 15 сентября) укрылся в Мантуе. Клаузевиц справедливо подчеркивает, что, хотя задача прорыва блокады Мантуи и была, на первый взгляд, Вурмзером решена, но в стратегическом плане армия в 29 тыс. человек, включая 4-тысячную кавалерию, оказавшись в Мантуе фактически запертой, была обречена на голод и вымирание. 42-тысячной французской армии оставалось ждать, когда вся эта австрийская масса сложит оружие.

В ноябре Третья австрийская армия, сопоставимая по численности с разбитой армией Вурмзера, под командованием генерала Альвинци двинулась с севера на Итальянскую армию. Последняя была ослаблена предыдущими кампаниями и существовала без заметного подкрепления из Франции. Основной целью армии Альвинци ставилась задача прорвать блокаду Мантуи. В австрийских планах еще предписывалось:

«Фельдмаршалу графу Вурмзеру предложить со всеми свободными силами, какие окажутся в Мантуе, атаковать и прогнать блокирующий Мантую корпус, прорваться в тыл французской армии и тем способствовать счастливому исходу сражения, которое должно произойти под Вероной, чем и будет осуществлено освобождение Мантуи»³³. Венские стратеги в своих кабинетах тешили себя и окружающих «мудрыми» решениями точно так же, как и через три года они будут составлять диспозиции сражений для Суворова.

Понимая затруднительность своего положения, Бонапарт для якобы достижения оперативного простора эвакуирует свои силы из Вероны и вообще с веронских позиций, куда, включая обратное вступление в Верону, пришлось возвращаться. Клаузевиц считает этот маневр Бонапарта бесполезным³⁴, как и ряд его действий 15 и 16 ноября при Арколе, которые были явно ошибочными. Лишь атака 17 ноября была оправдана, ее Клаузевиц находит «правильной и необходимой, а диспозицию к ней по крайней мере понятной»³⁵.

Историк и летописатели реконструировали ход событий при Арколе, начиная с 15 ноября, из которого следует, что «15 утром Бонапарт всего лишь предводитель отступающей орды. Но если понедельник 15 ноября 1796 вошел в историю,

герой этого дня стал легендой. Эта легенда долгие века будет изображать его хватающим знамя и под дождем картечи и пуль бросающимся на мост во главе солдат, с которыми он покорил полмира. Она, разумеется, обойдет молчанием второй эпизод - как бегущие (от неприятеля. - *В.К.*) солдаты увлекли с собой генерала и не заметили, когда он увяз в болоте (свалился с коня в бо лотную жижу - *погрузился по пояс*, как Наполеон пишет в "Мемуа рах". - *В.К.*), откуда его с большим трудом вытащили Мармон и Луи Бонапарт, счистившие с него грязь и вновь посадившие на коня. Затем легенда покажет героя Италии, атакующим неприятеля и вынуждающим его очистить деревню. Однако битва при Арколе состоится лишь через день, в среду 17. Вот тогда французы сумеют выбраться из бо лота и опрокинуть неприятеля на равнине»³⁶.

Эпизод со знаменем на самом деле случился во время боев за Аркольский мост. Но произошел он с генералом Ожеро, который со своей дивизией продвигался по плотине к мосту. Ему пришлось встретить мощный фланговый огонь неприятеля. Авангард дивизии повернул было вспять, но тут подоспел сам Ожеро и, схватив знамя, бросился на мост и водрузил его там. Но и это не помогло. Генералы, убедившись, что они попали в плохое положение и что никакими диспозициями здесь делу не поможешь, решили добиться всего храбростью и самоотвержением, надеясь, что им, несмотря ни на что, удастся все-таки прорваться и кратчайшим путем исправить ошибку. Но все было напрасно! Четыре генерала: Ланн, Вердье, Бон и Верже ранены, - и все же колонна снова отступает.

Очевидно, эпизод «со знаменем на мосту Арколе в руках водрузившего его Ожеро» был доложен командующему, который использовал его уже в своих личных политических целях, обуревавших Бонапарта после сражения при Лоди. Воспроизвел ли он имитацию с собственным водружением знамени на мосту или просто составил для Директории соотвествующее фальсифицированное донесение, - доказать эти обстоятельства сейчас едва ли возможно.

Поэтому в реляции это представлено так: «Сам Бонапарт спешит к месту боя. Он слезает с коня, обращается с речью к войскам, наминает им о Лоди, *хватает знамя и устремляется на мост*, - на прасно! Колонна поворачивает назад, австрийцы проникают на мост, настигают бегущих, врываются в их толпу, а Бонапарта, которого австрийцы чуть не захватили в плен, его гренадеры с трудом увлекают за собой и спасают»³⁷.

Необходимость в более подробном исследовании аркольского эпизода, реального, без Бонапарта, затем вымышленного, но уже с главным героем Бонапартом, а не с другим генералом, обусловлена тем, что наполеоновская мифология в XIX в. всерьез начала создаваться именно с этого эпизода, а не с «Мемуаров с о. св. Елены», поскольку к тому времени, когда появились «Мемуары», уже были созданы живописные произведения, изображающие со знаменем в руках Бонапарта - героя на Аркольском мосту. В Милане специально приехал Жан Антуан Гро (1771-1835), ученик Давида, живописец и рисовальщик, чтобы изобразить героя с обнаженной головой и знаменем в руке, бросающегося на Аркольский мост. Командующий непоседлив, но Жозефина сажает его к себе на колени и заставляет принять нужную позу. Гро может приступить к эскизам... Само же художника Жана Антуана Жозефина встретила в Генуе, очаровала и очаровалась, и поскольку он пожелал написать портрет командующего, то она привезла его с собой. Гро оказался для Наполеона именно тем живописцем, который с воодушевлением включился в созидание наполеоновского мифотворчества. Последующая его картина из легендарного Египетского похода «Посещение Первым консулом зачумленных в Яффе» стоит в этом же ряду. Он стал с 1800 г. официальным художником Наполеона. Созиданию мифа предназначены многочисленные гравюры на аркольскую тему, бюсты Бонапарта в римском стиле (Гудона), один из которых находится в нашем собрании: из тех 20 бюстов, назначенных для столов градоначальников 20 крупнейших городов России, где должна была после победы Наполеона обосноваться пронаполеоновская администрация. По легенде, эти 20 бюстов остались при московском пожаре в Кремле и погибли, но оказалось, что не все. Во всяком случае, один бюст сохранился и находится в нашем собрании. Величественные статуи Наполеона в полный рост в римских тогах (Канова), литература, публицистика, драматические произведения, всевозможные кантаты, наконец, поэзия, переходившая границы наполеоновской Франции и даже ее эпоху вместе со стилем *ампир*, — все это способствовало созданию наполеоновского мифа, модифицированного в общечеловеческие явления «спасителя» и «бонапартизма».

Сражение при Арколе, наполненное тактическими ошибками с обеих противоборствующих сторон, выявленными Клаузевицем в последующих аналитических разборах, начиная с разбора первого наступления Вурмзера, второго наступления Вурмзера и первого наступления Альвинци³⁸. Он оперирует «исключительно теми данными, которые находятся в повествованиях Жомини и генерала Нейперга или в оригинальных донесениях Бонапарта и Бертье, и ограничивается лишь тем, что располагает эти данные в том порядке, в каком они придают целому наиболее понятную и связную форму. Но, где имеются такие скудные и так путанно (и умышленно сфальсифицированные. - *В.К.*) переданные данные, даже самое тщательное их сопоставление не может оградить от ошибок...»³⁹. Так интеллигентно Карл Клаузевиц, в молодости друживший с Жерменой де Сталь, говорит о вранье некоторых полководцев.

Аркольский эпизод (его повторяет Е.Тарле⁴⁰) анализируется нами на основании работ Клаузевица⁴¹. Граф Мольтке, Альфред фон Шлиффен и Ганс Дельбрюк выделяют политический аспект военных батальи Наполеона⁴². Что - верно, и будет в дальнейшем рассматриваться нами в связи с военным искусством Наполеона Бонапарта. Однако становится очевидным, что аркольский эпизод для историков проистекает из «Мемуаров» самого Наполеона и, конечно, из его донесений. После ознакомления с его первыми публицистическими работами 1791-1793 гг., в которых он эффектно использует для усредненно-социальных слоев населения типично журналистские *пиар-ходы*, становится очевидным, что

такой индивидуум, как Бонапарт, для достижения своих целей не остановится ни перед какими морально-этическими запретами, даже перед фальсификацией. Кроме того, заинтересованные слои общества, нажившиеся на революции, усвоили, исходя из поведения Бонапарта во время событий на Корсике 1790-1791 гг. и в связи с разгоном путча роялистов 13 ванде-льера IV г. (5 октября 1795), если нужно (т.е. если, как он полагает, *возникнет политическая необходимость*), он будет стрелять из пушек в безоружных людей. Когда мы приходим в «*телячий восторг*» от некоторых, мягко выражаясь, противоправных актов Бонапарта, нужно помнить, что в его лице разжиревшие на революционных ме таморфозах толстосумы нашли «свою шпагу».

Такой классный публицист (дорвавшийся до общественного канала журналюга) эпизод с водружением знамени на Аркольском мосту генералом Ожеро, конечно, использует в своем донесении военному министру и Директории (он не брезговал писать и каждому директору в отдельности), но в реляциях генерал Ожеро будет заменен собственной персоной. Можно повториться, что именно с этого донесения и начинается всерьез *миф о Наполеоне*, обрамленный поставками правительству награбленного итальянского золота, денежных знаков, ценных вещей (камею Гонзаго - Жозефине) - про изведений искусства и историко-художественных шедевров (кроме рукописей Леонардо да Винчи, бронзовых коней венецианской базилики Сан-Марко с византийско-константинопольского ипподрома, ватиканского Аполлона Бельведерского), цены не имеющих.

Вечером в Вероне 1 тримера (22 ноября), переключившись на отдых после вполне успешных ратно-хозяйственных дел, можно было расслабиться в чувственно-эротической сублимации, и молодой 27-летний человек легко вызывает в воображении сексуальный образ любимой женщины и воплощает этот образ на бумаге в своем письме.

«Верона, 1-е тримера (22 ноября) (1796) в 10 час. Вечера. Я ложусь в постель, моя дорогая Жозефина, а мое сердце хранит твой обожаемый образ и удручено болью оттого, что я столь долго нахожусь вдали от тебя. Но я надеюсь, что через несколько дней я буду более счастлив и смогу к своему удовольствию представить тебе до казательства той любви, которую ты мне внушаешь. Сегодня мы разбили противника. Мы взяли тысячу пленных и потопили более 300 человек в Адидже; надеюсь, что через несколько дней все решится.

Ты мне больше не пишешь. Ты больше не думаешь о своем добром друге, жестокая женщина. Разве ты не знаешь, что без тебя, без твоего сердца, без твоей любви для твоего мужа нет ни покоя, ни счастья, ни жизни?

*Я с печалью ложусь в постель. О Боже, как был бы я счастлив, если бы мог присутствовать при твоем очаровательном туалете. Маленькое плечико, маленькая белая грудь, упругая и красивая, а кроме того прелестная гримаска и платок a la creole. Ты прекрасно знаешь, что по сути я никогда не забываю посетительниц этого квадратика. Ты прекрасно знаешь тот маленький черный лесок, я тысячу раз целую его и с нетерпением жду того мгновения, когда вновь там окажусь. Прощай, моя маленькая возлюбленная, несравненная женщина. Все в тебе. Жизнь, счастье, удовольствия хороши лишь тогда, когда они связаны с тобой. Жить моей Жозефиной значить жить в Элизии. Целую тебя в ротик, в глаза, в плечо, в грудь, в маленький черный лесок, повсюду, повсюду. Бл
Гражданке Бонапарт Милан».*

На другой день из Милана прибывает генеральский курьер, в обязанность которого вменялось принимать от генеральши весточку для командующего. Мы знаем, что ленивая Жозефина писем писать не любила, да и в голове у нее, в ее чувствах был образ молодого кудрявого наглеца Шарля Ипполита, который так умел ее сместить и вполне удовлетворял физиологические потребности. Времени для развлечений не хватало и не резон было тратить его на писания нелюбимому мужчине, в силу обстоятельств ставшего ее мужем. Да еще требующего своей доли женского внимания. И курьер из Милана отбыл без письма жены к мужу...

Наполеон взрывается и пишет «*грозное*» послание.

«Что же вы делаете весь день, Мадам? Какие дела так важны для вас, что отнимают время, чтобы написать письмо вашему очень доброму любовнику? Какие привязанности подавляют и отгоняют нежную и постоянную любовь, которую вы ему обещали? Каким может быть этот новый, великолепный любовник, который поглощает все ваши мгновения, тиранизирует ваши дни и мешает вам заниматься вашим мужем? Жозефина, берегись, одной прекрасной ночью двери будут взломаны и я предстану.

Наполеон Бонапарт своей супруге Жозефине, 23 ноября 1796».

Альвинци был отброшен в Тирольские Альпы, возникла естественная передышка в военных действиях, поэтому Бонапарт примчался в Милан. Но во дворце Сербеллони, где остановился главнокомандующий с супругой, Жозефины не оказалось: она уехала (конечно, с Шарлем) в Геную, где по случаю визита жены главнокомандующего генуэзцы устроили празднества. Писем этого периода у меня нет, но нам известно, что из эпистолярного наследия (писем Бонапарта к Жозефине) исчез образ *божественной* женщины-жены. Теперь у Наполеона осталась к жене сексуальная привязанность, которая по степенно, естественным образом сходила на нет. И конечно, имело значение соблюдение приличий, что было для честолюбивых устремлений нашего героя важным атрибутом.

Второе наступление Альвинци кончилось его поражением у Ри-воли 14 января 1797 г. Мантуя капитулировала 2 февраля. Бонапарт начал продумывать план движения на Вену (и заключения мира). Еще он с удовольствием занимался организацией новых республик: Лигурийской (Генуэзской), Циспаданской (в древности река По называлась Падус), т.е. республикой за рекой По (состоящей из четырех папских областей), Ломбардской. Последнему обстоятельству противилась Директория, поэтому, как только сложились благоприятные условия (под предлогом восстания в Вероне 2 мая Бонапарт объявляет войну Венеции, 15 мая без боя входит в город и расчленяет республику), 29 июня Ломбардию он превращает в Цизальпинскую республику, государственное устройство которой копировало французское. Выход к морю был получен ультиматумом Генуе, которым подчинил порт Франции, и т.д.

17 октября с Австрией был заключен мир в Кампо-Формио, а Раш-татский конгресс 28 ноября доработал его статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кастело А. Жозефина. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 172.
- ² Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 1996. С. 368.
- ³ Кирхейзен Г. Наполеон Первый: Женщины вокруг Наполеона. М.: Терра - Terra, 1997.
- ⁴ Там же. С. 161.
- ⁵ Там же. С. 49.
- ⁶ См.: Важнер Ф. Госпожа Рекамье. М., 2004.
- ⁷ Тюлар Ж. Указ. соч. С. 67.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Там же. С. 68.
- ¹⁰ Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 77.
- ¹¹ Там же. С. 53.
- ¹² Дельбрюк Г. История военного искусства. М.: Госвоениздат, 1938. Т. 4. С. 375.
- ¹³ Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 53.
- ¹⁴ Кастело А. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁵ Подробнее о Евгении Викторовиче Тарле читайте в кн.: Сироткин В.Г. Наполеон в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 311.
- ¹⁶ Жомини А. Краткое начертание военного искусства... СПб.: Типогр. путей сообщения и публ. зданий, 1840. С. 26, 52, 82-83, 87, 120, 200; Карты на с. 232-233, 276, 308-309, 356.
- ¹⁷ Он же. Дополнение к Аналитическому Обзору Главных Соображений Военного Искусства. СПб.: Типогр. Департамента Воен. Поселений, 1836. С. 3, 8, 30.
- ¹⁸ Клаузевиц К. Итальянский поход Наполеона 1706 года. М.: Госвоениздат, 1939.
- ¹⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 376.
- ²⁰ Там же. С. 65.
- ²¹ Анненков П.В. Гоголь в Риме: Лит. воспоминания // Вересаев В.В. Гоголь в жизни. М.; Л.: Academia, 1933. С. 257.
- ²² Клаузевиц К. Указ соч. С. 51-52.
- ²³ Жомини А. Краткое начертание военного искусства... С. 125.
- ²⁴ Вольнский А.Л. О науке и искусстве. СПб.: Амфора, 2006. С. 409-110.
- ²⁵ Там же. С. 411-413.
- ²⁶ Вольнский А.Л. Леонардо да Винчи: Код судьбы. СПб.: Амфора, 2005. С. 409.
- ²⁷ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 51-52.
- ²⁸ Там же. С. 27.
- ²⁹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю: В 2 т. М.; Л.: Воен.-мор. изд-во НКВМФ СССР, 1940. Т. I. С. 158.
- ³⁰ Кастело А. Указ. соч. С. 162.
- ³¹ Там же. С. 154.
- ³² Там же. С. 80-100.
- ³³ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 145-154.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 141.
- ³⁶ Кастело А. Указ. соч. С. 171.
- ³⁷ Наполеон. Воспоминания и воен.-исторические произведения. СПб., 1994. С. 122.
- ³⁸ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 128-144.
- ³⁹ Там же. С. 139.
- ⁴⁰ Тарле Е. Наполеон. М., 1941. С. 36.
- ⁴¹ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 133-134.
- ⁴² Мольтке К.-Б. Военные поучения. СПб.: Изд-во Гл. штаба, 1913; Шлиф-фен А. фон. Канны. М.: Госвоениздат, 1938. С. 41, 207, 377, 381; Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 375, 381, 400-401.